

A. A. ПЛЕТНЕВА, A. Г. КРАВЕЦКИЙ

СЛУЖБА, ПРОМЫСЕЛ, РАБОТА: К ИСТОРИИ СЛОВ И ПОНЯТИЙ*

Labor omnia vineit
Improbus et duris urgens in rebus egestas
Virg

Трудами всіо преодолевается
Не приятен, и к трудным вещам понуждает
недостаток

Вирг(илий)¹

Для социальной истории любого народа взаимные отношения, в которые люди вступают в процессе трудовой деятельности, вне всякого сомнения, играют существеннейшую роль. Литература, посвященная истории различных аспектов трудовой деятельности, необъятна. Эволюция орудий труда и трудовых отношений описывается с позиций различных областей знания. При этом совершенно очевидным является тот факт, что история слов, описывающих трудовую деятельность, изучается очень мало.

О значении исследований эволюции слова труд (*travail*) писал в свое время Люсьен Февр: «Всю эволюцию слова “труд” нужно уточнять, устанавливать во всех подробностях. Когда это настоятельно нужное дело будет выполнено, можно будет похвалиться тем, что мы, воспользовавшись одним единственным словом, сделали разрез исто-

---

* Эта статья не была бы подготовлена без материалов картотек *Словаря русского языка XI—XVII вв.* (ИРЯ РАН, Москва) и *Словаря русского языка XVIII в.* (Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург). Авторы пользуются случаем выразить свою признателность сотрудникам этих словарей за полезные консультации и предоставленную им возможность работать с материалами картотек.

¹ Титульный лист сатирического журнала Василия Тузова «Поденщина» (1769 г.).

рии психологической и социальной через четыре века истории французской» [Февр 1991: 368].

Пытаясь на русском материале осуществить поставленную Люссиеном Февром задачу, мы вынуждены ввести два существенных ограничения. Во-первых, мы ограничиваем себя хронологически, останавливаясь лишь на XVIII столетии. Мотивы этого ограничения вполне прозрачны: именно эпоха Просвещения дала начало тем процессам общественной модернизации, которые в конечном счете привели к возникновению культурно-исторической эпохи, называемой Новым временем. Во-вторых, мы до предела ограничиваем и объем рассматриваемого материала, подробно останавливаясь лишь на трех словах — *служба*, *промышленность* и *работа*. Выбор лексики обусловлен тем, что эти слова, с одной стороны, противопоставлены друг другу по признаку «свобода-несвобода» (для культуры Нового времени эта оппозиция относится к числу базовых). С другой стороны, выбор этих слов связан с тем, что они соотносятся с трудовой деятельностью представителей трех основных российских сословий: дворян, горожан и крестьян.

Наш подход предполагает рассмотрение истории слов в связи с историей культурно значимых понятий. А поскольку изменение отношения к трудовой деятельности относится к числу основных явлений, исследуемых социальной историей, семантическая эволюция слов *служба*, *промышленность*, *работа* оказывается благодарным материалом для исследования тех перемен, которые произошли в русском обществе на пороге Нового времени.

СЛУЖБА

Служба и *служить* относятся к числу ключевых слов, характеризующих трудовую деятельность человека. Начиная со старославянских текстов и вплоть до второй половины XVIII—XIX века общим смысловым элементом слов *служба* и *служить* было представление о труде на конкретное лицо, которым может быть как Бог (в случае священнослужения), так и человек.

История слова *служба* связана не с изменением значения слова, а с изменением его сочетаемости. Так, если изначально слово *служба* сочеталось с существительным со значением лица (*служба князю*, *царю*, *господину* и т. п.), то во второй половине XVIII в. появляется значительное количество контекстов, где адресатом действия становятся отвлеченные существительные: *отчество*, *государство*, *родина*, *идея* и т. п.

Другой особенностью семантической истории этого слова явилось изменение его оценочности. В древнерусских текстах слово *служба* употребляется, как правило, для описания действия субъекта в интересах другого лица, при этом разницы между службой князю в качестве военачальника и личным

прислуживанием не прослеживается. Оценка действия (престижность / не-престижность, позитивность / непозитивность) при этом отсутствует. В XVIII в. ситуация меняется. Это связано с тем, что, с одной стороны, служба приобрела для дворян обязательный характер, а с другой — благодаря «Табели о рангах» именно служба давала человеку возможность повысить свой общественный статус. А после того как дворяне получили право по собственному желанию выходить в отставку, служба в некотором роде оказалась привилегией, дающей недворянам возможность получить дворянство. Поэтому к середине XVIII века слово *служба* становится обозначением наиболее престижной разновидности трудовой деятельности и количество контекстов с его позитивной оценкой резко увеличивается.

Развитие негативного семантического компонента в слове *служба* связано с разрушением сословной структуры общества. В новых условиях позитивно оценивается не *служба* государству, а свободный *труд* / *работа*. К тому же, вероятно благодаря присутствию в значении корня *служ-* компонента ‘личное подчинение кому-либо’ слово *служба* так же, как и *слуга*, *прислуживать*, *прислуга* и др., приобретает негативную окраску. По мере роста культурной значимости слов *работа* и *рабочий* слово *служить* начало выходить из употребления в ситуации работы на конкретного человека. Стандартное современное словоупотребление: *работать у кого-либо, работать на кого-либо, работать где-либо, но служить отечеству, народу, государству* и т. д.

Служба священника

Слово *служить* в значении ‘служить Богу’, ‘совершать богослужения’ фиксируется уже в древнейших текстах, например, в Остромировом евангелии: *Бысть же служѧщу ему в чину чреды своея пред Богом по обычаю иерейскиууму, прилучися ему покадити* (*ἐν τῷ ἱερατεύειν*). (Лк. 1.8—9)². В аналогичных контекстах служить сохраняется в церковнославянских и русских текстах вплоть до сегодняшнего дня:

Еже вдовствующим попом и диаконом служити запрещено бысть российскими соборы (1667) [Субботин II: 383];

Аще же служит един иерей без диакона, и, по причащении Святых таин, из чаши не пиет, но по совершении литургии... [Служебник 2004: 274];

Старенький поп, отец Михаил, служит жалобным, надтреснутым голоском (Гаршин, Ночь);

В полдень завез Анну В. в Белогородку и узрел там животрепещущих щук, заготовляемых на фриштык для владыки, имеющего завтра служить литургию и завтракать (1879) [Лесков VI: 324 (Архиерейские объезды)].

² Цит. по [СЛРЯ XI—XVII, 25: 134].

При этом в богослужебных книгах существительное *служба* постепенно вытесняется названиями того или иного чинопоследования. Так, например, если в Стрытинском служебнике 1602 года, легшем в основу исправленного никоновского Служебника, в названиях чинопоследований говорится о *Службе Божественная Литургии Иоанна Златоустого, Службе Литургии Великого Василия, Службе Литургии Преждеосвященных* [Дмитриевский 2004: 54], то в исправленном Служебнике 1655 года в случае с литургией Иоанна Златоуста говорится *Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого*, а в заглавиях двух других литургий сохранено слово *служба* [Там же: 58]. В современных же изданиях Служебника слово *служба* в названиях богослужений сугубого круга не употребляется.

Вообще выражение *служить Богу* означает не только ‘совершать богослужение’, но и ‘исполнять волю Бога’, ‘исполнять волю высшего существа’³. В этом же значении иногда употребляется и глагол *работать*: *Господу бо Христу работаете* (1718) [Феофан Прокопович 1718]; *Всякому приступающему работать Господу, следует искушение* (1760) [Тихон Задонский 1875]. Любопытно в этой связи, что в XVIII в. выражение *работать Богу* встречается в текстах, соотносящихся с церковной культурой (примеры см. выше), а *служить Богу / Богу* — со светской культурой (при этом речь может идти и о Боге, и о языческих богах, и об идолах):

Представь о Муза! Ныне ясно
Коль время было то ужасно,
Как ложным мир служил богам (1755)

[Ежемесяч. Соч. 1755: 101].

Государственный человек, работающий для блага народного, поселянин, делающий землю плодородною; все верные исполнители должностей своих служат богам наилучшим образом (1798) [Пантенон II: 99—100 (Сократ)].

Еще одним доказательством того, что русский литературный язык из пары *служить / работать* в значении ‘исполнять волю высшего существа’ выбирает глагол *служить*, является перевод на русский евангельского стиха Лк. 16.13 (В оригинале интересующему нас слову соответствует *δουλεύειν*.):

³ Избранныи мои людие суть то, иже служат Богу и волю его творят. Сл. поуч. против язычников (Цит по [СЛРЯ XI—XVII, 25: 134]).

<p>ЦСЛ: Никий же раб может двема господинома работати... не можете Богу работати и мамоне.</p>	<p>Р: Никакой слуга не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне.</p>
---	---

Определяющим обстоятельством при переводе евангельского текста на русский язык, по всей видимости, являлась невозможность для русского литературного языка XIX в. (времени осуществления сино-дального перевода) выражения *работать Богу*, т. к. в стилистической иерархии глаголов *работать* и *служить* последний определенно занимает более высокое положение⁴.

Если глагол *служить* в значении ‘совершать богослужение’ на протяжении многих веков не изменял контекстуальной сочетаемости, то глагольные сочетания с существительным *служба* менялись. Выражение *отправлять службу* в значении ‘совершать богослужение’ регулярно встречается в текстах XVIII века:

Мшу или службу Божию отправляют (1705) [Матвеев 1972: 37—38];

Священник, сверх порядочного отправления Божией службы, должен в самой церкви учить крестьян Божию Слову... (1776) [Поленов 1865: 302];

Поп в бархатных своих ризах отправлял службу с отменною важностию; а мы с хозяином тянули на крилосе от всего сердца (1791)⁵.

Но в XIX веке такое словоупотребление постепенно уходит, и на смену ему приходит выражение *совершать службу*. Именно оно встречается, например, в вышедшей в 1803 году «Новой скрижали» архиепископа Вениамина (Румовского-Краснопевкова), которая была одним из первых русских пособий по литургике. В позднейших книгах, посвященных православному богослужению, выражение *совершать богослужение* явно господствует. Судя по Словарю языка Пушкина, в светских текстах первой половины XIX века употреблялось и то, и другое слово: *Церковная служба отправлялась ежедневно* (История Пугачева) [Пушкин IX: 26], но в то же время: Служба совершилась с печальным приличием (*Пиковая дама*) [Пушкин VIII: 246]. Словосочетание *отправлять службу / молебен / панихиду*, как правило, отно-

⁴ То же самое касается и пары *слуга* и *раб*. В большинстве контекстов слово *раб* имеет уничижительный оттенок, которого нет в слове *слуга*. Однако существует и противоположная тенденция. Слово *раб* — славянизм, следовательно, принадлежит высокому стилю. Поэтому в контекстах, где речь идет о рабстве Богу, а не человеку (раб Божий), уничижительного оттенка нет.

⁵ Московский журнал. 1791. № 1: 293 (Цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.).

сится к церковнослужителю, однако иногда употребляется и по отношению к человеку, который заказал требу. Так, например, в одном из писем Пушкина: *Няня исполнила твою комиссию, ездила в Св. Горы и отправила панихиду или что было нужно* [Пушкин XIII: 127].

Точно также в современном словоупотреблении *я отслужил молебен* может означать ‘я заказал молебен и присутствовал в храме, когда его служили’. Аналогичное словоупотребление обнаруживается и у Костомарова:

Велено уничтожить в Москве палатки и анбары с иконами, называемые часовнями, в которых священники совершили молебны по старым книгам, а народ стекался туда толпами, вместо того, чтобы ходить в церкви и служить литургию⁶.

Если в современном русском языке присутствие молящегося на православном богослужении обозначается глаголом *отстоять*, то в текстах XVIII в. передается словосочетанием *слушать службу*:

Сказано, постом, бдением и молитвою победиши диавола, я исполню церковные предания, службу Божию слушаю с сокрушенным сердцем, посты, среды и пятки все сохраняю, не только сам, но и до мочадцев своих тому принуждаю (1769) [Трутень 1769: 116];

В том же ратуше олтарь с изрядным уборством и с иконами живописными дивными, разделен великими точеными из зельной меди балясами, где повинный судьи всего правительства, прежде отслушав миссы, или Божей службы, на всякой день, идти в тот ратуш для росправы всяких настоящих дел своих (1705) [Матвеев 1972: 39].

Ср.: Приехав, сначала в церкви отстоял службу монахов, певших густыми, протяжными басами, и от всего сердца помолился вместе с братиесю на ее вечерней молитве (1897)⁷.

И лишь потом, когда ревущее половодье склынуло и смыло всю тяжесть былого, князь увидел детей — Матвея и Аннушку, — сходил на могилы Ивана-младенца и Васьки, отстоял молебен, разыскал вдов и сделал многое другое, чего от него как от князя ждали люди (2000)⁸

⁶ Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862—1875). (Цит. по Национальному корпусу русского языка).

⁷ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. (Цит. по Национальному корпусу русского языка).

⁸ Алексей Иванов. Сердце Пармы (Цит. по Национальному корпусу русского языка).

Современное отстоять службу находит поддержку в текстах былин: *Он стоял заутрену во Муромли, а и к обеденке поспеть хотел он в столицей Киев град* [Гильфердинг II: 12].

От службы государевой к государственной службе

Служба как труд на правителя

Слова *служить* и *служба* предполагают бенефицианта действия, причем почти во всех примерах, относящихся к XI—XVII вв., *служба* возможна лишь по отношению к конкретному лицу. Употребление слова *служить* по отношению к идеям (*служить добру, злу, прогрессу* и т. п.) получает распространение лишь в XIX веке. В качестве промежуточного этапа развития в расширении сферы употребления этого глагола можно рассматривать появившиеся во второй половине XVIII в. словоупотребления типа *служить своему народу, служить государству, служить отечеству*. По всей видимости, историю слов *служить* и *служба* можно рассматривать как постепенное расширение их сочетаемости за счет добавления абстрактных существительных.

Первоначально бенефициантом службы могли быть Бог (см. выше), а также российский или иноземный правитель (государь, князь, царь и т. д.):

И я, холоп твой, тебе, государю служил и бился с твоими государевы изменники день до вечера (1616) [Миллер I: 443];

В лето 7095 прииде из орды Крымский царевич Крымского царя к великому князю Феодору Ивановичу служити [Псковская летопись I: 320];

Служил есми, государь, трем королем, а такия обиды ни в котором королевстве не видал (XVII в.)⁹;

И тамо в орду прибежав и вдастся царю казанскому служити и отвержеся веры христианской¹⁰.

Российский правитель оставался одним из основных адресатов службы (по количеству контекстов и их репрезентативности) вплоть до начала XX века. В XVIII веке в контекстах, связанных со службой, начинает употребляться слово монарх:

⁹ Иван Пересветов. Малая членитная [БЛДР 9: 430].

¹⁰ Повесть о Тимофееве Владимирском [БЛДР 9: 106].

Приветсвующе же молим тя, даждь им благополучно и долгоденствено под знаменем твоим воинствовать, (...) умножи и сохрани ордин сей, да крестоносцы твои воинствуют в нем, (...) на верную службу и помошь в трудах благочестившему своему Монарху ПЕТРУ Первому сего ордина устроителю и законоположнику (1720)¹¹.

Выражение *служить царю* в значении ‘служить российскому монарху’ входит в употребление достаточно поздно, по всей видимости, не ранее нач. XIX века. Вероятно, что оно утвердилось в языке в связи с появлением теории официальной народности с ее знаменитой триадой: православие, самодержавие и народность. Таким образом, в известной фразе о службе Богу, царю и отечеству к древнерусскому периоду относится только первая часть.

Военная служба как занятие элиты общества

Для культуры XVIII—XIX века слово *служить* в первую очередь характеризует занятие дворян, поэтому прежде чем продолжить наше изложение, придется определить, в какой степени история слова *служить* соотносится с историей дворянского сословия. Очевидно, что в Древней Руси слово *дворянин* обозначало совсем не то, что в XVIII в. Дворянин — это прежде всего *слуга князя*. При этом четкого противопоставления между *дворянами* и *дворовыми людьми* (*дворными людьми*) нет:

Ондревич(а) бояре поедут на Уломскую слободку на монастырскую или князи, или воевод(ы), или дети боярьскии, или мои дворыныи люди, или имутца в деревнях ставити, или корм имати, или подвод имати... (1448)¹²;

Дети боярские и дворовые люди (они же дворяня) (нач. XVII в.)¹³.

При анализе многих контекстов, относящихся к разному времени, в которых употребляется слово *дворянин*, не совсем понятно, какая реалия стоит за данным словом. С одной стороны, во времена Древней Руси и в Екатерининскую эпоху слово *дворянин* обозначало нетождественные понятия. С другой же — не следует забывать, что в древнерусском языке, по всей видимости, не существовало уни-

¹¹ Гавриил (Бужинский). Слово на память св. первозванного апостола Андрея. (Цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.).

¹² Архив Строева I (Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.).

¹³ [Акты подмосковных ополчений: 23] (Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.).

версального термина, обозначающего человека, принадлежащего к привилегированному сословию (в этом нет ничего удивительного: сословное общество возникает лишь в XVIII веке). Поэтому слово *дворянин* в том значении, которое это слово приобрело в XVIII веке, соответствует целому ряду древнерусских слов, обозначающих социальное положение людей, в том числе и слову *дворянин*. Если вести историю дворянства со времен Древней Руси, то это будет история привилегированных групп, к которым, в числе прочих, относились и древнерусские дворяне.

Обилие терминов, используемых для обозначения слуг князя (бояре, дети боярские, дворяне и т. д.), связано с тем, что эти слова соотносились не столько с характером деятельности этих людей, сколько с видом материального вознаграждения, которое они получали. Основным видом вознаграждения для дворян была земля, владение которой по мере создания централизованного государства все более четко связывается с военной службой великому князю. В 1556 г. Иоанн IV «с вотчин и поместий уложенную службу учинил»: со ста четвертей земли должен был быть выставлен вооруженный человек на коне. С этого времени на всех служилых людей ведутся списки, в которых обозначается, «каков он будет на государеве службе конен и оружен и люден».

Подобную перепись представителей привилегированных групп, конечно же, можно считать прообразом будущего сословного деления общества, но все-таки не больше, чем прообразом. И накануне петровских преобразований *шляхетство* (в петровских документах слова *дворянство* и *шляхетство* употреблялись равнозначно) представляло собой конгломерат потомков титулованных княжеских фамилий, старых бояр и детей боярских и, наконец, простых дворян, предки которых нередко всю свою жизнь провели в холопском звании. При этом сами представители привилегированных групп настаивали на том, что их положение определяется знатным происхождением. Однако, говоря о преемственности, приходится задаваться вопросом, что именно объединяет дворян и детей боярских XVI века со шляхетством конца XVII и дворянством середины XVIII века. И этим объединяющим моментом оказывается военная служба, которая в Средние века, а отчасти и в Новое время, была основным занятием представителей привилегированных групп.

Свидетельство о том, что именно военная служба превращает человека в представителя привилегированного социума, сохранилось в современном языке. Даже во времена рекрутских наборов и всеобщей

войнской обязанности, когда хождение строем являлось обязанностью, а не привилегией, о солдатах продолжали говорить, что они *служат* (действие свободного человека), практически не употребляя глагола *работать*, характеризующий труд несвободного человека. Такое словоупотребление сохраняется и в современном языке. О солдате говорят, что он *служит в стройбате*, хотя его действия должны описываться словом *работа*. Служба в армии уже давно не является престижным занятием, однако по отношению к военному делу по-прежнему употребляется слово *служба*, а не *работа* или *промысел*¹⁴.

От служилых людей к дворянскому сословию

В результате петровских реформ именно служба начинает определять место человека в государственной иерархии. Для Петра отличие шляхетства (т. е. дворянства)¹⁵ от прочих подданных заключалось в годности к службе. В 1724 году Военная коллегия обратилась к Петру с запросом:

О недорослях указ повелевает, знатного шляхетства и офицерских детей писать в гвардию, а прочих в другие (...) полки; а понеже невозможно знать, которое знатное шляхетство: того ради требуется определения, каким образом знатное шляхетство считать, по дворовому ли числу ото ста дворов и выше, или по Регламенту о рангах до которого класса [ПСЗРИ I: 7, № 4589, 361—362].

Петр наложил на этот документ резолюцию «*знатное дворянство по годности считать*», то есть место человека в государственной иерархии определяется не происхождением и не богатством, а годно-

¹⁴ В первой половине XVIII века в связи со становлением классицистической риторики военное дело начинает описываться как искусство, и по отношению к военному делу становится возможным употребление слова *промысел*: *военные промыслы* и *Марковы промыслы*.

¹⁵ В петровские времена слова *дворянство* и *шляхетство* использовались как синонимы, что видно, в частности, из цитируемого здесь указа (11 ноября 1724 года). Поэтому в предметном указателе к ПСЗРИ I нет самостоятельной статьи *шляхетство*, а в соответствующем месте приведена ссылка к статье *дворянство*. Четкое разделение значений слов *шляхетство* (*шляхта*) и *дворянство* произошло в екатерининское время, после раздела Польши. Судя по указателю к ПСЗРИ I, первый указ, в котором слово *шляхетство* используется для обозначения знати Западных губерний и Польши, был подписан 1 марта 1784 года («О составлении Белорусской шляхетной хоругви в Могилевском и Полоцком наместничествах» — [ПСЗРИ I: 22, № 15944]).

стью к службе. Служба в полках для шляхетства была обязательной и бессрочной. Контрольные функции над дворянами, наблюдение за тем, чтобы они не уклонялись от службы, принадлежали Герольдии, которая в число функций которой входило среди прочего составление дворянских списков. Если во второй половине XVIII века включение в дворянский список (дворянскую книгу) означало серьезные привилегии, то в начале века — только обязанности. Не случайно в петровское время некоторые дворяне, чтобы избежать службы, предпочитали записываться однодворцами [Раскин 1996: 673; ПСЗРИ I: 26, № 19856, 615].

В число служебных обязанностей дворян теперь вошла и учеба [Чечулин 1889: 49]. Все дворяне были обязаны учить своих детей сначала в гарнизонных училищах, а затем в корпусах. Учить детей дома дозволялось только тем, чье имущественное положение позволяло нанимать учителей. Но и для учившихся дома детей были обязательны явки на смотры к представителям администрации в 7, 12, 16 и 20 лет. Разрешение продолжать домашнее образование получали лишь те, кто успешно проходил это испытание. За уклонение от учения грозили каторжные работы или ссылка [Романович-Славатинский 1870: 125—127].

Смотры дворянских детей проводились иногда в Герольдии, иногда в Сенате, а иногда и лично императором. В 1704 году дело ограничилось присылкой в Герольдию списков дворян [Романович-Славатинский 1870: 118]. О царском смотре 1712 года сохранились воспоминания Василия Васильевича Головина:

Мая в последних числах был нам всем смотр, а смотрел сам его царское величество, и изволил определить нас по разбору на трое: первые, которые летами по старее, в службу в солдаты, а середних — за море в Голландию для морской навигацкой науки, в которых в числах за море и я, грешник в первое несчастие определен, а самых малолетних в г. Ревель в науку [Пекарский I: 142].

При этом заграничная учеба проходила под наблюдением специального надсмотрщика, присланного из России «для понуждения навигацкой науки» [Там же].

В некоторых случаях место проведения смотра определялось материальным положением недоросля. В 1713 году те недоросли, у родителей которых было больше 130 крестьянских дворов, посылались

на смотр в Санкт-Петербург, а у кого меньше — в Москву, в Канцелярию Сената¹⁶. Таким образом, даже место периодического смотра выбирали не родители молодого дворянина, руководствуясь, например, близостью к месту жительства, а государство.

Мы видим, что никакой свободы выбора способа служения государству у дворян в начале XVIII века не было. Род занятий дворянина определялся государственными потребностями, материальным положением его семьи и даже местом службы братьев: герольдмейстер следил за тем, чтобы по гражданской части служило не более 1/3 представителей каждого дворянского рода [Романович-Славатинский 1870: 123—124]¹⁷.

Имеется масса свидетельств о том, что дворяне бежали от смотров точно так же, как крестьяне бежали от барщины. Колоритные зарисовки об уклонении дворян от воинской службы оставил И. Просошков:

В Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одною ногою не бывал, и какие посылки жестокие по нему ни бывали, никто взять ево не мог, овых дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на ся юродство и возгри по бороде попустит. И за таким ево пронырством ини и з дороги отпускали, а егда из глаз у посыльников выедет, то и юродство свое отложит и, доМой приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великому государю кроме огурства не показал, а соседи все ево боятца [Просошков 1951: 94];

Иван Васильев сын Золотарев, дома соседям своим страшен яко лев, а на службе хуже козы. В Крымской поход не мог он отбыть, чтоб нейти на службу, то он послал въместо себя убогово дворянина <...>

¹⁶ «О высылке дворянских детей недорослей для смотру в Москву в канцелярию Сената» — [ПСЗРИ I: 5, № 2652, 20].

¹⁷ Дворяне не обладали и возможностью свободно выбирать место жительства [Там же: 144—147]. При основании Петербурга Петр повелел в 1712 году 1000 шляхетским домам, наравне с представителями других сословий, переехать на остров Котлин, где для постройки домов им отвели деньги и дворы: «Объявить шляхетским тысячи домам, купетским лучшим пятистам, средним пяти же стам; рукомесленным всяких дел тысячи домам <...> что им жить на Котлине острове, <...> и даны им будут дворы готовые, за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последние без денег)» [ПСЗРИ I: 4, № 2467, 778]. Затем был составлен список бояр, окольничих, думных и ближних людей, генералов и т. д., обязанных переселиться в новую столицу. Наиболее знатным отправили повестки, а список остальных просто зачитали [ПСЗРИ I: 4, № 2563, 854] (то есть самой большой привилегией, которой обладали представители знатных родов, оказалось то, что приказ о насильственном переселении в финские болота им вручали лично).

и дал ему лошадь да человека своего, то он ево именем и был на службе [Там же: 94—95].

Эта историческая справка необходима нам для того, чтобы показать, что в начале XVIII века государственная (военная) служба являлась скорее повинностью, чем привилегией. Дворянин этого времени едва ли написал бы слова, которые позже, в 70-е годы, напишет князь А. Куракин:

Учинение себя годным к службе моего отечества есть мой большой предмет, достижение до основательности, всеми вообще признанной, есть моя главная прелест (1773) [Архив Куракина VII: 259].

Гражданская служба

Наиболее раннее из известных нам употреблений выражения *гражданской службы*¹⁸ содержится в Указе от 14 апреля 1714 года «О числе лет, которые младшие братья дворянского звания должны провести на службе, а торгового класса люди — в промыслах, дабы получить право приобретать покупкою недвижимые имущества»:

Ежели кадет пойдет в службу воинскую, и получит себе службою деньги, на которых себе захочет купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однакож по седьми лет службы его; буде же в гражданской службе будучи, то по десяти лет службы его; буде же в купечестве, мастерстве будучи, то по пятнадцати летех [ПСЗРИ I: 5, № 2796, 97].

Этот пример интересен не только потому, что он, возможно, является первой фиксацией выражения *гражданской службы*, но и потому, что четко определяет место гражданской службы в государственной системе ценностей — гражданская служба менее престижна, чем военная, но существенно более престижна, чем другие занятия горожан — купцов и ремесленников. В более ранних петровских указах

¹⁸ Слова *гражданин*, *гражданский* вплоть до начала XIX в. употреблялись в значении ‘горожанин’, ‘городской’ и обозначали людей городского сословия. Надпись на памятнике Мартоса «князю Пожарскому и гражданину Минину» (т. е. князю и горожанину), которая удивляла последующие поколения, была совершенно корректной. Позже слово *гражданин* было вытеснено словом *мещанин*. (Ср.: *В это время Минин, мещанин нижегородский, отдает все свое достояние, чтобы снарядить войско; то же делают другие, и эта рать под начальством князя Пожарского освобождает Москву, выгоняет Поляков из России.* — Вестник Европы. 1825. № 2. С. 122). Таким образом гражданская служба — это служба в городе на административной должности.

вместо выражения *гражданская служба* употребляются слова *дела* и *посылки* [Романович-Славатинский 1870: 133].

«Табель о рангах» поставила гражданские чины в один ряд с военными, однако гражданская служба явно считалась службой второго сорта, о чем свидетельствует само название этого документа: «*Табель о рангах всех чинов, Воинских, Статских и Придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакоже Воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был*» [ПСЗРИ I: 6, № 3890, 486]. Уравняв военные и гражданские чины, Табель установила между ними жесткие соответствия. Теперь слово *служба* стало обозначать все виды деятельности, предусмотренные этим документом.

На канцелярскую работу дворян направляли так же насильственно, как и на военную службу, выбирая тех, кто был наиболее к ней приспособлен. Дворяне работали на жаловании копиистов, но должны были «оказывать свою природу» через учтивое обращение с канцелярскими служителями [Романович-Славатинский 1870: 139]. При этом следует отметить, что всю первую половину XVIII века среди канцелярских служащих преобладали люди недворянского происхождения, которым «Табель о рангах» представляла возможность дослужиться до чина, дающего дворянское звание.

Дворяне, служащие в канцелярии, в отличие от своих коллег иного социального происхождения, не имели права пьянствовать, играть в карты и другие азартные игры¹⁹. Кроме того, дворяне Сенатской канцелярии должны были иметь приличную одежду и белье, а также пудрить волосы каждый день, «чтоб им не безчестно было являться пред честными людьми, а особенно в праздники вместе с кадетами ходить по двору». При этом на штатской службе задерживались немногие дворяне: одних из-за профнепригодности отправляли в армию солдатами, другим удавалось отпроситься в действующую армию офицерами.

¹⁹ Был даже издан специальный указ, в котором говорилось: «В С.-Петербурге на всех островах в кабаках и вольных домах, и где имеются билиарды, всем объявить с подпискою: ежели дому Ея Императорского Величества Камер-Пажи и Пажи во оные дома придут пить или играть в карты и билиарды и в прочия какия нибудь игры: и таких не допускай до питья и игры, братъ под караул, и приводить в дом Ея Императорского Величества в дежурную Генерал-Адъютантов, а пуще смотреть Пажа Ивана Волкова» (1735 г.) [ПСЗРИ I: 9, № 6703, 489; Романович-Славатинский 1870: 522].

Гражданскую службу дворяне считали куда менее престижной, чем военную. Популярностью пользовались лишь те должности, которые давали некоторую свободу (губернатор, городничий и т. д.). Только при Павле I, когда армейская дисциплина стала более строгой, а воинская служба — более обременительной, популярность гражданской службы несколько возросла [Романович-Славатинский 1870: 140—141].

Для того чтобы придать штатской службе большую популярность, для служащих по гражданскому ведомству вводились аксессуары, свойственные военным. И это приносило свои плоды. По свидетельству барона Вигеля, дворяне без особого уважения относились к инженерной службе до тех пор, пока принц Ольденбургский не испросил для них военные чины и мундиры [Там же: 142]. Хотя дворянство и смирилось с гражданской службой, представление о том, что служба по гражданскому ведомству является службой второго сорта, сохранилось еще очень долго. Характерный диалог приводит И. Аксаков в «Семейной хронике»:

— Хочешь, Сережа, в военную службу? — Не хочу. — Как тебе не стыдно: ты дворянин и непременно должен служить со шпагой, а не с пером [Романович-Славатинский 1870: 522].

В XVIII веке слово *служба* начинает употребляться по отношению к актерам императорских театров. Так, например, в воспоминаниях И. Носова об актрисе Т. М. Троепольской читаем: *Императрица с того же дня, 16 апреля <1763 г.>, приказала принять Троепольскую в действительную службу, первою трагическою актрисою, с жалованьем в 500 рублей* [Носов 1857: 201]. С аналогичным словоупотреблением мы сталкиваемся и в текстах, относящихся к началу XIX века. Так, например, в 1805 году Василий Капнист, служивший тогда в Дирекции императорских театров, писал Д. П. Трощинскому про одну из актрис: *По жалобе о сем от управляющих труппою велел я подтвердить ей <актрисе Пичини> о непременном послушании, угрожая в противном случае исключить ее из службы* [Капнист II: 448]. Такое словоупотребление является вполне оправданным, поскольку деятельность императорских театров финансировалась из казны в соответствии со штатами.

Слово *служить* употреблялось по отношению к актерам и в начале XX века. Так, например, в помещенном в Ежегоднике императорских театров некрологе Пьера Жерве, скончавшегося в начале 1912 года, говорится о смерти актера, *начавшего у нас свою карьеру*

в начале на сцене старого петербургского «Буффа» в качестве куплетиста, а затем перешедшего на французскую казенную сцену²⁰, где он прослужил 31 год, играя маленькие роли и помогая режиссуре [Некрологи 1912: 103]. По отношению к артистам, так же как и по отношению к работникам канцелярий, начинает употребляться слово служитель, правда, метафорически (служитель муз, служительница Мельпомены и т. п.).

От смотрения к наблюдению и надзору

Еще в допетровские времена для характеристики деятельности приказных употреблялись слова *сидеть, сидение*. Так, например, в Соборном уложении Алексея Михайловича читаем: *А в воскресный день никого не судити и в приказех не сидеть и никаких дел не делать* (1649) [Российское законодательство III: 106]). Это употребление сохранилось и в петровском законодательстве, в частности, в «Генеральном регламенте» (1720 г.), описывающем принципы функционирования различных структур государственного аппарата: *Коллегиям сидение свое иметь во всякой неделе* [Реформы Петра I: 110]. Аналогичный пример обнаруживается и в Указе о Сенате: *Сенату надлежит состоять из тайных действительных и тайных советников, кому от нас ныне повелено и впредь повелено будет, и сидеть по рангам* (1722) [Российское законодательство IV: 190]. Для обозначения преждевременного ухода со службы используется слово *недосидение*:

А канцелярским служителям, кроме помянутых воскресных дней и господских праздников, сидеть по вся дни, и съезжаться за час до судей. Приказных же людей приезд и выезд определяются от президента и других членов, смотря по делу, под штрафом, за всякой раз небытия месяц, а за час недосидения, неделя вычета жалованья (1720) [Реформы Петра I: 110].

Объект действия чиновника обозначается словом *дело*. В первой половине XVIII в. устойчивы сочетания *вершить дела, отправлять дела*:

А ежели важные дела случатся, которые умедлены быть не имеют, но вскоре окончаны, то долженствует по изобретению дел и обстоятельств, или всему коллегию, или некоторым членам, по определению

---

²⁰ Имеется в виду французская труппа Михайловского театра.

от коллегий, несмотря на помянутое время и часы, съезжатся, и те дела отправлять (1720) [Реформы Петра I: 114];

Тако же не позволяет его величество, чтоб в прихожих каморах коллегии какие писари или подьячие сидели, и дел тамо отправляли, дабы оным от члобитчиков помешательства не было, но сидеть им в канцеляриях и в конторах, где им надлежит (1720) [Там же: 128];

А члобитчиковы всякие дела по выправкам вершить по реестру без всякого молчания как возможно... (1720) [Там же: 111—112];

О всех делах, которым надлежит вершеным быть в Сенате, подобает на столе подобному реестру повседневно быть с описью, давно ли которые дела не вершены, и слушать и решить по оному реестру, а не выбором (1722) [Российское законодательство IV: 192].

Если делами занимались все канцелярские служители, вне зависимости от ранга, то начальство к тому же осуществляло дирекцию, а также смотрело и надзирало:

В коллегии не имеют президенты особливого труда, (...) но генеральную и верховную дирекцию (или управление), а дела между советниками и ассессорами тако разделяются, что каждому (...) из происходящих в коллегии дел определенная часть... (1720) [Реформы Петра I: 114];

Должность президента и вице-президента есть накрепко смотреть, чтоб прочие члены коллежские о поверенных делах и в приказанном им смотрении с надлежащим старанием и прилежанием попечение имели... (1720) [Там же];

А буде президент усомнит, что некоторой из них, коллежских членов, в специальном его надзирании и делах нерадение показует, и президент о том ему вежливыми словами вспоминать и наказывать должен... (1720) [Там же];

Однакож надлежит, чтоб вышние над поступками и обхождением подчиненных своих служителей надзирание имели... (1720) [Реформы Петра I: 121].

Характерное описание работы государственных органов, в котором использована большая часть интересующих нас слов, содержится в одном из указов, появившихся в 1720 году:

Генерал прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах, которые к сенатскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял, разве какая законная притчина ко отправлению ему помешает, что все записывать повинен в свой юрнал. Также накреп-

ко смотреть, чтоб в Сенате не на столе только дела вершились, но самым действом по указам исполнялись... И о том немедленно Сенату предлагать должен [Российское законодательство IV: 196—197].

В начале XIX века для характеристики работы чиновников устанавливается словоупотребление, близкое современному. Основная функция начальника теперь описывается при помощи слов *управлять* и *управление*:

Управление каждого министерства вверяется лицу, по непосредственному его императорского величества избранию определяемому со званием министра, главного директора или главноуправляющего (1811) [Российское законодательство VI: 94];

Министерство управляет по точному разуму и силе сего общего и частных учреждений и других существующих и впредь издаваемых узаконений (1811) [Там же];

Каждый департамент состоит в управлении одного директора, который и ответствует за точное исполнение всего, что постановлено уставом и учреждением той час (1811) [Там же].

Кроме того, вместо того, чтобы *смотреть* за действиями подчиненных, начальник теперь *наблюдает и обозревает* (*совершает обозрение*):

Директор строго наблюдает, чтоб суммы, капиталы и имущества, вверенные управлению департамента, употребляемы и распоряжаемы были не иначе, как по законам, учреждениям и согласно назначениям, годовою финансовою сметою определенным (1811) [Российское законодательство VI: 125];

Главнейшая обязанность сих чиновников есть обозрение разных частей на местах по препоручениям директора. Порядок сего обозрения определяется инструкциею, какая дана будет от директора. Они могут быть посланы как инспекторы с соответственою сему званию властию (1811) [Там же: 127].

Вместо выражений *вершить дела, отправлять дела* появляются выражения *исправлять дела, исполнять дела, производить дела*:

При директоре полагается секретарь для исправления разных дел и поручений, общих всем отделениям (1811) [Российское законодательство VI: 94];

Для производства общих дел, до всех департаментов относящихся, и для предметов, непосредственно разрешению министра подлежащих, учреждается Канцелярия (1811) [Там же: 95];

Чины, состоящие при департаментах для исправления разных поручений, исполняют все дела, кои директор им поручит. Некоторые из них, по представлению директора и по утверждению министра, могут быть членами общего присутствия [Там же: 95].

Вольность дворянства и превращение службы в привилегию

На эволюцию общественного представления о службе оказали существенное влияние законодательные акты, превратившие дворянство в привилегированное сословие. То, что служба становится для дворянина необязательной, приводит к тому, что служба начинает ассоциироваться со свободным трудом (*работа* — это подневольный труд, а *служба* — это труд свободного человека, добровольный труд).

31 декабря 1736 года Анна Иоанновна подписала манифест, где «для лучшего содержания шляхетских домов и деревень» тем семьям, в которых было несколько сыновей, разрешалось одного из них не отправлять на государственную службу, а оставлять для управления имением. При этом оставшийся дома молодой человек был обязан учиться, чтобы быть годным к гражданской службе²¹.

Говорить о превращении дворянства в сословие, имеющее права, но практически не имеющее обязанностей, стало возможно после опубликования манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» (18 февраля 1762 г.)²². Во вводной части этого документа констатировалось, что Петр I дворянам «*поповел вступать в военные и гражданские службы, и сверх того обучать благородное юношество не только разным свободным наукам, но и многим полезным художествам, посылая оных в Европейския Государства, и для того же самаго учреждая и внутрь России разныя училища, дабы с наивящею поспешностию достигнуть желаемаго плода. Правда, что таковыя учреждения, хотя в начале частию казались тягостными и несносными для Дворянства: лишаться покоя, отлучаться домов, продолжать против воли своей самим военную и другия службы, и детей своих в оныя записывать, от которой некоторые укрывались, подвергая себя за то не только штрафам, но и лишились имений своих как нерадивые о своем и потомков своих добре*

». Теперь же задачи, поставленные Петром I, выполнены, поэтому

²¹ [Романович-Славатинский 1870: 125].

²² [ПСЗРИ I: 15, № 11444, 912—914].

от обязательной службы дворян можно отказаться: «*И тако Мы (...)* отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем всему Российскому благородному Дворянству вольность и свободу, кои могут службу продолжать, как в Нашей Империи, так и в прочих Европейских союзных Нам Державах, на основании следующаго узаконения». Дворяне в мирное время освобождались от военной службы и получали право уходить в отставку, переходить с военной службы на гражданскую, уезжать за границу и при желании поступать там на службу. Кроме того, отменялись регулярные проверки знаний дворянской молодежи. Теперь родители были обязаны лишь один раз в двенадцатилетнем возрасте записать своих детей в Герольдии, а затем заниматься их воспитанием самостоятельно.

Манифест Петра III дал дворянам куда больше свобод, чем екатерининская «Жалованная грамота дворянству». Не случайно М. М. Щербатов писал, что грамоты дворянам и городам «*более лишене, не-жесли дание прав*» [Щербатов-Радищев 1985: 127 второй пагинации]. И действительно, манифест Петра III не налагал на дворян в мирное время никаких обязанностей [Чечулин 1889: 57]. Первой реакцией на этот манифест стали массовые прошения об отставке.

После манифеста 1762 года у дворян практически не осталось обязанностей. И в результате они начали по добреей воле делать то, к чему принуждал их Петр I. То, что раньше было обязанностью, теперь превратилось в добровольное и престижное занятие. Если раньше в поездке за границу видели чуть ли не ссылку, то теперь возможность пересекать границу становится одной из дворянских привилегий. Если раньше образование детей было обязанностью, а отказ от учебы был чреват серьезным наказанием, то теперь родители стали интересоваться тем, чтобы их дети получили хорошее образование. В провинции, не говоря уж о столицах, начали возникать учебные заведения для дворянских детей, в том числе и для девочек [Там же: 63—64].

На первых порах количество дворян, просивших об отставке, было столь значительным, что возникли опасения, как бы дворянство не самоустрилось от общественной жизни. Случай полного отказа от какой бы то ни было общественной деятельности действительно бывали. Так, уже в екатерининские времена один из депутатов из дворян отказался приехать на выборы предводителя дворянства, ссылаясь на то, что он как дворянин ничего никому не обязан и свободен от всякой службы [Там же: 66]. И хотя отток дворян со службы удалось довольно быстро прекратить, воспоминание о том, что освободившиеся дворяне не желали трудиться, жило еще очень долго. Здесь

уместно процитировать относящееся к 1730 году письмо, написанное А. П. Волынским в бытность Казанским губернатором: «Правда, что в неволю служить зело тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, известно, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюбив, и для того, если некоторого принуждения не будет, то, конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всякий захочет лежать в своем доме; разве останутца одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и с той чести надлежащие места отдавать им, и таких на свою шею насажаем непотребных, от которых впредь и самим нам места не будет» [Дело Сальникеева: 28; Романович-Славатинский 1870: 187—188]. То есть, по мнению Волынского, по собственной воле дворяне трудиться не будут, что приведет к вытеснению дворянства из общественной жизни. В течение последующего столетия о массовом уходе дворян со службы часто вспоминали противники освобождения крестьян, полагавшие, что крестьяне без контроля со стороны помещиков работать не будут.

Таким образом, реальное освобождение дворянства произошло благодаря манифесту Петра III. Однако превращение дворянства в привилегированное сословие, культуру которого стремились копировать представители всех остальных сословий, связано с деятельностью Екатерины II.

Екатерина II: дворянство как перевод франц. *Noblesse*

Основные законодательные идеи Екатерины II были сформулированы в ее «Наказе». Этот документ был первоначально написан на французском языке, а затем переведен на русский и авторизован Екатериной. В свое время исследователь «Наказа» Н. Д. Чечулин установил, что большая часть французского текста представляет собой почти дословное воспроизведение «Духа законов» Монтескье²³, его эпигонов — барона Бильфельда (Bielfeld)²⁴ и Юсти²⁵, а также статей

²³ [Чечулин 1907: СХХІХ—СХХХІІІ].

²⁴ Два тома сочинений Бильфельда вышли в 1768 и 1775 году в переводах Федора Шаховского и Антона Барсова.

²⁵ На русский язык переводился в 1772—1778 Иваном Богаевским. В 1765 году вышла книга «Торгующее дворянство противоположное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество? — С прибавлением особливаго о том же рассуждения г. Юстия. Переводил Денис фон-Визин». СПб., 1765.

«Энциклопедии». Для 496 статей «Наказа» Н. Д. Чечулину удалось найти прямые источники, притом, что общее число статей составляет 631. В разделе «О дворянстве» из 18 разделов заимствовано 14, а в разделе «О среднем роде людей» — все²⁶.

Переводчикам екатерининского текста приходилось решать задачу поиска русских эквивалентов для слов, употребляемых французскими просветителями. На практике же речь шла скорее об установлении соответствий. Так, например, французское *liberté* последовательно переводится на русский как *вольность* (а не *свобода*)²⁷; *citoyen* — *гражданин*; *la liberté du Commerce* — *Вольность торговли*; *Patrie* — *отчество* и т. д.

В этом документе роль дворянства определяется тем, что оно должно было получить значение той посредствующей власти, которая, по мнению французских просветителей, составляет основное отличие монархического правления от деспотии. Екатерина последовательно соотносит русское слово *дворянин* с французским словом *noble*²⁸. Для характеристики дворянства наиболее существенным является понятие чести (этую идею Екатерина позаимствовала из энциклопедической статьи *Noblesse*, автором которой был Л. Де Жокур) [История в энциклопедии: 294]:

<i>La Noblesse est un titre d'honneur qui distingue du commun des hommes ceux en sont décorés</i>	<i>Дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои онъм украшены</i> [Чечулин 1907: 106]
---	---

Статья *Noblesse*, несомненно, оказала большое влияние на представление Екатерины о роли дворянства в монархической стра-

²⁶ [Чечулин 1907: CXLIV—CXLV]. В этой связи совершенно по-новому прочитываются «Замечания на Наказ», составленные Д. Дидро [Дидро X: 409—511]. Дидро спорит с Екатериной очень резко, однако большую часть его выпадов следует отнести не к Екатерине, а к Монтескье, которого российская императрица постоянно здесь цитировала. В частности, это относится к критике разделов «Наказа», посвященных тому, что представители различных сословий обладают неравными правами. Этую идею Екатерина целиком (а во многих случаях и дословно) заимствовала у Монтескье.

²⁷ Интересную проблему представляет собой соотношение слов *вольность* и *свобода* в русской литературе XVIII—XIX веков. С одной стороны, в этой связи можно упомянуть рылеевскую и пушкинскую оды «Вольность» и грибоедовское «он вольность хочет проповедать», а с другой — «в мой жестокий век восславил я свободу». Вероятно, где-то в середине XIX века в значении *liberté* слово *свобода* вытеснило слово *вольность*.

²⁸ Несколько раньше Антиох Кантемир в своем «Русско-французском словаре» в качестве параллели к слову *дворянин* приводил французское *gentilhomme* [Кантемир (слов) I: 257].

не²⁹. «Дворянство, — писал в этой статье Л. Де Жокур, — некоторым образом входит в суть монархии, для которой главное правило следующее: без дворянства нет монарха, но есть деспот, как в Турции. Дворянство умеряет высшую власть и своим собственным великолепием приучает взоры народа без испуга наблюдать и поддерживать блеск королевской власти. И для государя, и для правосудия хорошо, когда дворянство не слишком сильно, но сохраняет за собой достойное уважения величие, способное обуздить дерзость народа и воспрепятствовать его нападению на величие трона. В монархическом государстве власть дворянства является наиболее естественной промежуточной и подчиненной властью. (...) Дворянством правит честь, предписывая ему повиновение желаниям государя; однако эта честь диктует, что государь никогда не должен поручать ему бесчестного дела. Честь предписывает дворянству как самое высшее служить государю во

²⁹ Ср., например, «Грамоту на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству»: Начальников и предводителей таковых Россия через течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощию Божиего и пребудет вечно российскому дворянству отличаться качествами, блистающими в начальству. Сие неопровергаемо доказывается самыми успехами, доведшими империю Российскую до края нынешняго величества, силы и славы. (...) Да как тому и быть иначе? Когда знатнейшее и благороднейшее российское дворянство, входя в службы военную или гражданскую, проходит все степени чинонаачалья и от юности своей в нижних узнает основание службы, привыкает к трудам и сии несет твердо и терпеливо; а научас послушанию, тем самым приуготовляется к вышнему начальству. Не быть бо в свете добрый начальник, который во свое время сам повиновался не прибык. Достигают же до вышних степеней те российского дворянства знаменитые особы, кои отличаются или службою, или храбростю, или верностию, или искусством или же те, что в послушании терпеливо пребывая, твердостию духа усердно преодолевают трудности и самое время, умножая опытами знание и способности свои в частях, званию их принадлежащих. (...) Сему свидетельства подлинныя находятся в древнейших поколениях родов нашего вернолюбезнаго подданного российского дворянства, которое ежечасно, быв готово подвизатися за веру и отечество, и нести всякое бремя наиважнейшаго империи и монарху служения, потом, кровию и жизнию приобретало поместья, с оных имело свое содержание, а умножая заслуги, получало в награждение от самодержавной власти поместья в вотчины себе потомственно. Службою приобретенное и за вящшую службу в награду полученное имение долженствовало, как и свойственно есть, наипаче обращаться в тех поколениях нашего дворянства, кои от начала основания России до дней сих оказать могут превосходным числом похвальных своих предков, мужей разумных, искусных, храбрых, в трудах неутомленных, с непоколебимым усердием ратоборствовавших многообразно и в случаях различных противу внутренних и внешних врагов веры, монарха и отечества. Но се ли едино в приобретенном имении есть доказательство древности родов их службы, а за оныя награждения? [Российское законодательство V: 23—24].

время войны³⁰» [История в Энциклопедии: 215]. В «Наказе» содержится масса пересечений с этой статьей, хотя во многих случаях аналогичные мысли высказывались и у Монтескье. Так, например, раздел «Наказа», посвященный военной службе дворян, весьма близок «Духу законов» Монтескье:

Мало таких случаев, которые бы более вели к получению чести, как военная служба: защищать отчество свое, победить неприятеля, есть первое право и упражнение, приличествующее дворянам

Il n'y guère de profession qui fournit plus d'occasion pour acquérir de l'honneur, que le Service militaire: Défendre sa Patrie, en combattre les ennemis; voilà le premier droit de la Noblesse, & la profession qui lui convient³¹

Екатерининский «Наказ» достаточно жестко декларирует идею о необходимости разделения труда между сословиями. Аргументы в пользу того, что дворяне не должны заниматься торговлей, Екатерина практически дословно заимствует у Монтескье:

Некоторый лучший о законах писатель³² говорит следующее: «Люди побужденные действиями в некоторых государствах употребляемыми думают, что надлежит установить законы, поощряющие дворянство к направлению торговли. Сие было бы способом к разорению дворянства без всякой пользы для торговли. Благородно в сем деле поступают в тех местах, где купцы не дворяне, но они могут сделаться дворянами; они имеют надежду получить дворянство, не имея в том действительного препятствия. Нет у них другого надежнейшаго способа выйти из своего звания мещанского, как отправлять оное с крайним рачением, или иметь в нем счастливые успехи; вещь которая обыкновенно присовокуплена

Un certain Auteur, qui a écrit le mieux les Loix, dit: «Des gens frappés de ce qui se pratique dans quelques États, pensent qu'il faudroit qu'il y ent des Loix que engageassent les Nobles à faire commerce. Ce seroit le moyen de détruire la Noblesse, sans aucune utilité pour le commerce. On en agit sagement là où les négocians n'étant pas nobles, peuvent le devenir, où ils ont l'espérance d'obtenir la noblesse sans en avoir l'inconvénient actuel; où ils n'ont pas de moyen plus sûr de sortir de leur profession, que de la bien faire, ou de la faire avec bonheur, chose qui est ordinairement attachée à la suffisance. Il est contre l'esprit du commerce que la Noblesse le fasse dans la Monarchie. Gela seroit pernicieux aux Villes, disent les Empereurs Honorijs &

³⁰ Ср. материалы Комиссии по составлению нового Уложения: «...И во все времена против Государя и государства дворяне были и есть непорочны вовремя регулярного неприятеля...» [МЗК IV].

³¹ [Чечулин 1907: 107]. Ср. «О духе законов», кн. IV, гл. 2: «Из всего, что честь вменяет в обязанность, самое настоятельное — служить государю на войне. В самом деле, это особенно почетная служба, так как все ее случайности, успехи и даже неудачи ведут к величию» [Монтескье 1999: 37].

³² В некоторых списках читается «Президент Монтескье, лучший французский о законах писатель...».

Продолжение

<p>к довольству и изобилию. Противно существу торговли, чтобы дворянство оную в самодержавном правлении делало. Погибельно было бы сие для городов, так утверждают Императоры Онорий и Феодосий, и отняло бы между купцами и чернью удобность покупать и продавать товары свои. Противно и существу самодержавного правления, чтобы в оном дворянство торговлю производило. Обыкновение дозволившее в некоторой державе торги вести дворянству, принадлежит к тем вещам, кои весьма много способствовали ко приведению тамо в безсилие прежняго учрежденного правления³³</p>	<p>Théodore, & ôteroit entre les Marchands & les Plébéiens la facilité d'acheter & de vendre. Il est contre l'esprit de la Monarchie, que la Noblesse y fasse le commerce. L'Usage qui a permis, dans quelques états, le commerce à la Noblesse, est une des choses qui ont le plus contribué à y affoiblir le gouvernement qui y étoit établi</p>
<p>Есть люди сему противного мнения, рассуждающие, что дворянам не служащим дозволить можно торговывать с тем предписанием, чтоб они во всем подвергали себя законам купеческим [Чечулин 1907: 95]</p>	<p>Il y a des gens qui sont d'un avis contrarie: ils veulent qu'on permette à la Noblesse qui n'est pas au service, de trafiquer; avec la clause, qu'ils se soumettent aux Loix marchandes</p>
<p>Феофил, увидя корабль нагруженный товарами для своей супруги Феодоры, сжег оный. Я Император, сказал он ей, а ты меня делаешь господином над стругом. Чем же могут бедные люди пропитать жизнь свою, если мы вступим в их звание и промыслы?..³⁴</p>	<p>Théophile voyant un vaisseau chargé de Marchandises pour son épouse Théodora, le fit brûler. Je suis Empereur, lui dit-il, & vous me faites Patron de Navire. A quoi les pauvres gens pourront — ils gagner leur vie, si nous faisons encore leur métier?</p>

³³ [Чечулин 1907: 94—95]. Ср. «О духе законов», кн. XX, гл. 20: «Люди, прельщенные тем, что делается в некоторых государствах, полагают, что во Франции следовало бы издать законы для поощрения дворян к торговле. Но таким путем можно было бы только погубить дворянство этой страны, без всякой выгоды для ее торговли. В этой стране существует очень благоразумный обычай: купцы там не дворяне, но они могут стать дворянами. Они могут надеяться получить дворянство, не испытывая в настоящем связанные с ним неудобства. Самое верное средство подняться над своей профессией состоит для них в том, чтобы хорошо, то есть с честью, заниматься ею, а это обычно зависит от способностей» [Монтескье 1999: 291—292]; Кн. XX, гл. 19: «Дворянство в монархии не должно заниматься торговлей. Это противно духу торговли. «Это причинило бы вред городам, — говорят императоры Гонорий и Феодосий, — и затруднило бы куплю-продажу для купцов и простого народа». Занятие дворянства торговлей противно и духу монархии. Обычай, дозволивший в Англии дворянству торговать, послужил одной из причин, которые более всего содействовали ослаблению в ней монархического правления» [Монтескье 1999: 291].

³⁴ [Чечулин 1907: 95—96]. Ср. «О духе законов» Кн. XX, гл. 19: «Теофил, увидев корабль, нагруженный товарами для своей жены Феодоры, приказал его сжечь. «Я им-

Несмотря на то, что екатерининский «Наказ» никогда не имел статуса официального законодательного акта, значение этого документа трудно переоценить. Экземпляр «Наказа» имелся в каждой губернской канцелярии. В 1768 году Сенат предписал, чтобы в каждом присутственном месте этот документ прочитывался хотя бы один раз в год. При жизни императрицы он был издан восемь раз. К тому же следствием работы над «Наказом» и его переводом стало установление соотношений между терминологией французских просветителей и русским языком. Несколько огрубляя, можно было бы сказать, что русский абсолютизм середины XVIII века является попыткой выстроить из имеющегося в стране материала описанную французскими просветителями монархию.

Документом, официально определившим статус дворянства в екатерининскую эпоху, стала знаменитая «Жалованная грамота дворянству», которая не столько подтверждала основные привилегии, данные дворянам манифестом Петра III, сколько подчеркивала особое положение дворян. Если в «Наказе» дворянство предполагает *нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены*, то «Жалованная грамота» связывает благородство дворян с тем, что их предки сделали для России: *Обыкла Россия изстари видеть службы верность, усердие и труды всякаго рода, от престола предков наших во всякое время изобильно награждаемыя, почестями украшаемыя и отличностями предпочитаемыя* [Российское законодательство 5: 24]. Кроме объяснения роли дворянства в истории России, «Жалованная грамота» указывала на право дворян покупать земли с крестьянами, создавать заводы и фабрики, то есть организовывать деятельность лично несвободных людей.

Одновременно с этим создавались органы дворянского самоуправления. Резко возрастила степень участия дворян в местном управлении, причем этот род деятельности считался не государственной повинностью, а привилегией. Сконструированная «Жалованной грамотой» система дворянского самоуправления оказала огромное влияние на жизнь дворянства, в первую очередь — провинциального. Дворянство теперь уже добровольно, из соображений престижа, усваивает то, что Петр I вводил насильственными методами. В провинции возникают дворянские общества, проводятся балы, организуются концерты, соз-

---

ператор, — сказал он ей, — а ты превращаешь меня в корабельщика. Чем будут существовать бедняки, если мы станем заниматься их промыслами?» [Монтескье 1999: 290].

даются библиотеки [Чечулин 1889: 75]. Благодаря деятельности Новикова во многих провинциальных городах появляются книжные лавки. Журналы («Академические известия», «СПб ученые ведомости», «Российский магазин») вели разделы библиографии, что давало возможность получать представления о литературных новинках, не читая их. По этому поводу «Почта духов» иронизировала: *Хотя за большее невежество почитается не знать имен современных писателей или названий вновь выходящих творений — но никто их не читает* [Почта духов 1789: 87]. В селах появляются молодые люди, ведущие «философическую» жизнь, т. е. изучающих ботанику, электричество и т. д. Возникает мода путешествовать. В моду входят увлечения музыкой и театром [Чечулин 1889: 80]. Происходят изменения в характере воспитания детей. С одной стороны, в столицах и больших городах увеличивается число учебных заведений, а с другой — в маленьких городах при участии родителей открываются частные пансионы, в которых учат французскому и немецкому языкам, географии, истории и арифметике. Ради образования детей семьи начинают перебираться в город. В своих «Записках» А. Т. Болотов [Чечулин 1889: 81] вспоминал, что у него постоянно собирались дети знакомых, с которыми он занимался законом Божиим, физикой, рисованием и т. д. Развлечения дворянской молодежи все более заметно отличаются от развлечений крестьян: на смену качелям и городкам приходит совместное музенирование, домашние спектакли и т. д.

Таким образом, в Екатерининскую эпоху дворянство уже добровольно усваивает то, что Петр I навязывал ему в обязательном порядке. Государственную повинность петровской эпохи Екатерина превратила в дворянские привилегии и знак статуса.

Либерализация как культурная экспансия дворян

Итогом деятельности Петра III и Екатерины II стало то, что дворянство оказалось единственным российским сословием, положение которого соответствовало идеям французских просветителей. Принципы личной свободы, свободы передвижения, свободы выбора места жительства выполнялись только по отношению к дворянам. Сконструированное Екатериной устройство дворянской жизни оказалось тем идеалом, на который сознательно или бессознательно ориентировались представители всех сословий. Для России либерализация общества в значительной степени означала адаптацию дворянской куль-

туры³⁵ представителями других сословий. За освобождением дворян следовало освобождение горожан, а затем и освобождение крестьян.

По мере того, как падало реальное значение дворянства, влияние дворянской культуры на русское общество лишь возрастало. Благородное сословие, каковым объявила дворян «Жалованная грамота», стало образцом, которому стремились соответствовать представители других сословий.

По словам Кизеветтера, «раньше все общество делилось на людей, служивших службы, и на людей, плативших подати, причем и те, и другие одинаково были закрепощены своим службам и повинностям. К концу XVIII века общество стало делиться на свободных и крепостных» [Кизеветтер 1903: 26]. По всей видимости, именно екатерининские реформы привели к тому, что дворянская культура превратилась для России в своеобразный эталон, с которым в последующие столетия сравнивали все явления русской культуры. Дворянская литература стала русской литературой нового времени, дворянская модель образования воспринимается как единственно возможная и по сей день (преемственность программ советской и постсоветской школы по отношению к гимназическим программам кажется очевидной). Противопоставление дворян и остальной части населения страны постепенно трансформируется в оппозицию свобода / несвобода. Именно освобождение дворян поставило вопрос о несвободе крестьян. Все просветительские программы послеекатерининского времени в конечном счете преследовали цель сделать представителей податных сословий похожими на дворян. И успехи просвещения можно описать как процесс адаптации дворянской культуры более широкими слоями населения.

Результатом ориентированности русской (отчасти и советской) культуры на дворянство стало то, что те виды деятельности, которые считались дворянскими, начали восприниматься как престижные. Это оказало влияние и на восприятия слова *служба*. В службе видится не действие в результате принуждения, а нравственный императив. И в современном русском языке слово служить сохранило (по крайней

³⁵ Под дворянской культурой мы понимаем здесь культуру людей, получивших среднее или высшее образование в учебных заведениях, в которых преподавание ведется в соответствии с утвержденными государством программами. В результате начавшейся в середине XIX в. постепенной утраты культурных перегородок между представителями различных сословий, внутри того, что мы называем «дворянской культурой» наряду с собственно дворянской становится возможным выделять культуру духовенства, разночинцев и т. д.

мере, в патриотических контекстах) свою положительную семантику. (Ср. популярные в советских идеологических текстах вариации на тему «жить — родине служить»). Подобные словоупотребления получили распространение уже в середине XVIII века. В качестве примера приведем фрагмент из фонвизинского «Кариона»:

Как скоро обществу служить нам время стало, // С тех пор и жизни
мы должны считать начало. // Кто к общей пользе все стараны при-
ложил // И к славе своего отечества служил, // Тот в жизнь свою вкусил
веселье прямое: // Веселье для нево не может быть иное, // Как то, о
коем он старался весь свой век, // Чтоб жить и умереть, как честной
человек (1764) [Фонвизин I: 24].

Вознаграждение за службу

Основным словом, обозначавшим материальное вознаграждение за службу государству, было *жалование*. СЛРЯ XI—XVII фиксирует употребления этого слова в значениях ‘жалоба’ ‘благоволение, милость’, ‘пожалование, подарок’, ‘плата за работу или службу’. Последнее значение фиксируется начиная с конца XVI века: *А кто будет в Вохне на приказе наших слуг или старцов, и им имати свое жалование урочное* (1590) ([ААЭ I: 422]. Цит. по [СЛРЯ XI—XVII, 5: 73]). Одна из ранних фиксаций глагола *жаловать* в значении ‘одаривать, вознаграждать’ относится к 20-м годам XV века. Это берестяная грамота № 243, в которой содержится сообщение феодалу о том, что на его землю пришел крестьянин и вопрос, чем его пожаловать (*чим его пожалуешь*) [Зализняк 1995: 564]. По всей видимости, первоначально жалованием называли вознаграждение за добровольную службу и разовые выплаты за сделанную работу. После того, как служба утратила добровольность и превратилась в повинность, жалование приобрело характер платы за исправное несение этой повинности:

А которые всяких чинов люди на Москве емлют Государево денеж-
ное и хлебное жалованье... и тем людем быти по прежнему в своих
чинех и служити Государевы службы с Государева жалованья (1649)
[Российское законодательство III, 202].

Лица, служившие в области управления и суда, получали вознаграждение за свою службу в виде корма, то есть поборов с населения, причем предоставление должности рассматривалось как награда, а сама должность называлась жалованием:

А которые иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостей о обидных делах, как те наместники или волостители, едучи на жалование, и на жалование живучи, или едучи з жалования кого чем изобидят (1550) [Российское законодательство II: 101].

С уничтожением системы кормления были установлены фиксированные выплаты (оклады) в пользу должностных лиц:

А Сибирских городов служилым и жилецким людем, которые с ними будут Великаго Государя на службе в Даурах, давать Великаго Государя денежное и хлебное жалованье и соль погодно по срокам и смотря по тамошнему делу по их окладам всем на лицо, а за очи никому и умершим не давать, чтобы напрасно никто ни за кого подставою Великаго государя жалованье не взял. А как им ...жалованье раздадут... велеть писать в расходныя книги именно. Всякому человеку особою статью и в приеме того Государева жалованья велеть расписыться...(1696) [ПСЗРИ I: 3, № 1542, 245].

Очевидная связь существительного *жалование* с глаголом *жаловать* показывает, что первоначально решение о размере вознаграждения (и самом его факте) принималось в одностороннем порядке. В течение долгого времени в качестве синонима к слову *жалование* употреблялись слова *награда, награждение*:

Вопрос: Кии образы суть явнаго хищения; Ответ: <...> Насильное удержание чужых вещей, например: долгов или поверенных к сохранению имений или достойныя мзды и награждения за работу и службу (1723) [Феофан Прокопович 1744: 19 об. — 21]³⁶.

Вообще слова *награда, награждать* часто встречаются в контекстах, связанных со службой:

Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей (1783) [Фонвизин I: 131];

Обыкла Россия изстари видеть службы верность, усердие и труды всякаго рода, от престола предков наших во всякое время изобильно награждаемыя, почестми украшаемыя и отличностью предпочтаемыя (1785) [Российское законодательство V: 24].

В течение долгого времени добровольным подарком оставались и литературные гонорары. В монографии Т. Грица, В. Тренина и М. Ники-

³⁶ Очевидно, что здесь разводятся понятия работа и служба по типу вознаграждения. Работе соответствует мзда, а службе — вознаграждение.

тина, посвященной истории литературных гонораров, приведен достаточно пространный перечень примеров, когда литераторы получали за поднесенную оду в качестве вознаграждения табакерку или перстень [Гриц и др. 2001: 78—80]. А ведь табакерка с портретом императора также, как и перстень, были одной из форм императорской награды.

Для того чтобы показать, что *жалование* является не просто подарком работодателя, а заранее оговоренной суммой, употреблялось слово *оклад*, что означало конкретную сумму денежного вознаграждения. В текстах слово *оклад* фиксируется в таком значении с середины XVI века: *Сидели на окладе в Колмогорех старосты* (сер. XVI в.)³⁷. Постепенно значение ‘предписанная государством фиксированная сумма вознаграждения’ в слове *оклад* становится основным:

Мне мнится, лучше учинить, пропитания ради, главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, по чему с какова дела брать за работу, и уложить имянно, по чему брать с рубля на виноватом и по чему с рубля с правого, и по чему брать с рубля в приеме денег в казну, и по чему с роздачи жалованной, и по чему с купецких и подрядных дел, и по чему с каковые выписки, иль с указу какова, иль с грамоты, иль с памяти. И так надобно усидеть, чтоб ни самого малого дела не обйтить, чтобы никакова дела даром не делали и брали б самое праведное по расположению [Посошков 1951: 87].

Документ, в котором фиксировались размеры должностных окладов, назывался *штатами*.

К XIX веку совокупность доходов человека, находящегося на государственной службе, называлась словом *содержание*, а *жалование* было одной из основных форм *содержания* (кроме *жалования* в *содержание* входили столовые, квартирные и др. выплаты).

Ситуация с оплатой труда духовенства была значительно более сложной. Если государственные служащие получали плату от государства (великого князя, царя), которому они служили, то священник от Того, кому он служит, денежного вознаграждения не получает.

Поскольку Русь была крещена сверху, то первоначально труд священнослужителей оплачивали князь или состоятельные люди, имевшие домовые церкви. Для обозначения денег, которые получало духовенство, употреблялось заимствованное из греческого слова *рга* (‘ροῦγα'). В литературе, посвященной материальному положению духовенства, слово *рга* употребляется вплоть до нашего времени, при

³⁷ [Акты Лодомской церкви]. Цит. по [СЛРЯ XI—XVII, 12: 322].

этом объем этого термина весьма расплывчат. С уверенностью можно сказать лишь, что получают ругу священнослужители. А относительно того, кем и на каком основании она выдается, общих правил не существует. В XVIII веке на государственном довольстве находилось относительно небольшое число храмов, причем в Книге штатов³⁸ эти выплаты названы *жалованием*, а в указах Синода слова *жалование* и *руга* существуют. По отношению к ружным священнослужителям слово *жалование* употреблялось еще в начале XVII века. Так, например, в члобитной ружного священника к Лжедмитрию читаем: *Пожалуй, государь, меня, нищего богомольца своего, своим царским жалованием на хлебец или на клячку* [Знаменский 2003: 113; АИ II: № 126].

Государственные субсидии никогда не были основным источником дохода духовенства. Духовенство обрабатывало церковную землю, получало плату за требы, различные подарки и пожертвования от прихожан, плату за преподавание в школах и т. д. Российское законодательство очень скруто прописывает материальную сторону жизни священников. П. В. Знаменский, специально исследовавший этот вопрос, писал: «До XVII века и земля была у церквей также доброхотным даром приходской общины, как и все другие церковные доходы: законодательство не вступалось в это дело» [Знаменский 2003: 114].

Не изменилась ситуация и в петровскую эпоху, несмотря на то, что «Духовный регламент» всячески осуждал взимание платы за требы, предлагая закрепить за каждым храмом определенное количество домов, жителям которых вменялось в обязанность содержание духовенства.

И се немалая должность, как бы священство от симонии и безстудного нахальства отвратить. К сему полезно есть сделать совет с сенаторами, как много дворов к одному приходу определить, с которых всякий бы давал такую-то именно подать священству и прочим причетником церкви своея, дабы они совершенное по мере своей имели довольство и впредь бы не домогались платежа за крещение, погребание, венчание и прочая. Обаче сие определение не возбраняет доброхотным человеком подавать священнику, сколь много кто по щедрости своей походит [ПСЗРИ: 6, 346].

Если приписывание храмов к определенному числу дворов было реализовано принятием церковных штатов, то заставить прихожан платить фиксированную сумму в пользу причта так и не удалось.

³⁸ [ПСЗРИ I: 44, 3].

Понятно, что четкое значение слов, описывающих материальные взаимоотношения людей, устанавливается лишь в результате законо-дательного оформления тех или иных взаимоотношений. В случае с оплатой труда духовенства мы сталкиваемся с ситуацией, когда законодательство ограничивается в основном нереализованными проектами, а в реальности духовенство получает средства существования из источников, относящихся к достаточно удаленным друг от друга сферам жизни (плата за требы, крестьянский труд, государственное жалование, добровольные пожертвования и т. д.). Поэтому специфической лексики, описывающей доходы священников, нет. Слово *руга* осталось лишь в исторической литературе, а церковная десятина в России распространения не получила.

Служения высшим ценностям

Вплоть до второй половины XVIII века слово *служить* сочетается только с одушевленными существительными. Нам известен лишь один пример XVII в., то есть противоречащий этому утверждению: *служить сребру* (1620) [Сказание Авр. Пал.: 177], который, впрочем, с очевидностью соотносится с евангельским контекстом о службе маммоне.

Во второй половине XVIII века появляется выражение *служба отечества* (с формой родительного, а не дательного падежа): *Учинение себягодным к службе моего отечества есть мой большой предмет, достижение до основательности, всеми вообще признанной, есть моя главная прелесть...* (1773) [Архив Куракина VII: 259]. Примерно в то же время, возможно, немного позднее, появляются формы *служить* (служба) *отечеству* (государству, обществу) с дательным падежом.

Резкое увеличение числа контекстов, в которых объектом службы являются абстрактные понятия, связано, по всей видимости, с распространением в культуре второй половины XVIII века аллегорических изображений абстрактных понятий. Можно предположить, что подобно тому, как евангельский контекст о службе Богу и маммоне давал возможность появлению выражений *служение серебру / золоту*, все возможные аллегории отечества и государства делали уместными употребления по отношению к этим абстрактным понятиям слов, прежде применимых лишь по отношению к конкретным персонам. Конечно же, речь здесь идет не о прямом влиянии конкретных зрительных образов, а вообще об аллегоричности русской культуры XVIII века:

Ах! Софья! я должен с тобою разстаться. Мой долг зовет меня служить отечеству. Я иду также к тебе верен, как и был, ничто не в силах изтребить моей к тебе любви, поди моя милая, я тебя провожу до твоево дома, и там прощусь с тобою (1790) [Кокошкин 1790: 69—70];

Не теряй драгоценного времени. Изправься, научися из опытов, сколь бедственна праздность! Служи обществу. Ныне война. Не щади презренной твоей жизни; замени ею дни почтенного стража общества [Эмин 1788: 201].

Впрочем, не исключено, что употребление глагола *служить* по отношению к абстрактным понятиям было стимулировано и переведными контекстами. Среди известных нам словоупотреблений такие контексты занимают существенное место:

Самая бедность моя не позволяет мне быть бесполезным в том смысле, как говорят наши модные Ораторы; я ем хлеб купленный моими трудами, и следственно по неволе служу обществу, платя за все, чем от него пользуюсь (1798) (Письма Руссо к Мальзербу [Пантеон III: 141]);

Графиня! я еду. — Начало обещает; но это еще не все. Какое это счастье для стариков, что они могут служить Государству, когда уже для женщин ни на что не годятся! Но я виновата; Граф имеет тайну быть на что-нибудь годным (1795) [Мемье 1795: 3].

Служба в значении ‘работа по найму’

В связи с постепенным формированием оппозиции *служба* ↔ *работа* как ‘труда на государство’ и ‘труда на конкретное лицо’, стоит отметить в слове *служба* развитие значения ‘работа по найму’. Это значение предполагает наличие определенных экономических отношений между тем, кто трудится, и тем, на кого трудятся:

Вопрос: Кии образы суть хищения лестного: Ответ: Многии, от нихже например некия предлягаем: (...) Обмана в службе: когда нанятый слуга время проводит леностию, или не так делает, как надлежит: ибо всяк таковый мзду полную приемля, толико в ней крадет, колико в службе его скудости было (1744) [Феофан Прокопович 1744: 21 об. —23];

Буде какой ремесленной пожелает вступить в службу к какому ни есть господину, а при том не перестанет платить городских сборов и в управу, что надлежит, то не изключается из управы (1785) [Российское законодательство V: 107].

При этом в притче Сумарокова «Волосок», рассказывающей о договоре человека с нечистым духом, *службой* названы действия обоих участников договора:

Детина на это, рукописанье дал. // Установилась дружба, // И с обоих сторон определенна служба: // Детину Дух контрактом обуздал, // Не расходимо жить, в одной и дружно шайке; // Но чтоб он перед ним любовны песни пел, // И музыкальный труд терпел; // А дух бы быв при нем, играл на балалайке (1787) [Сумароков 1957: 235].

Слово *служить* в значении ‘работать по найму’ начинает употребляться довольно поздно, вероятно, не ранее XVII века: *В 29 день мешиковские робята служили в монастыре <...> дано им наиму 2 рубли* (1615—1631) [СЛРЯ XI—XVII, 25: 134]. По всей видимости, это значение развилося благодаря употреблению слова *служить* в значении ‘прислуживать’, при котором не предполагаются какие бы то ни было экономические отношения. В таком значении слово *служить* регулярно употребляется в евангельских контекстах как в славянской версии, так и в русской. Например, в евангельском повествовании о вечери в Вифании (Ин 12.2) *соторииша же ему вечерю ту, и Марфа служасше* слово *служить* используется и в Остромировом евангелии, и в Елизаветинском тексте, и в Синодальном русском переводе. Это значение слова *служить*, вероятно, является одним из самых ранних (СЛРЯ XI—XVII выделяет его как первое).

В тех контекстах, где речь идет о работе по найму наряду со *служить* (*служба*) может встречаться и *работать* (*работа*):

Которому крестьянину в своем уезде работою кормитца позволяетца, с письменными отпусками за руками помещиков своих: а в не бытность помещика за руками прикащиков их, и приходского священника, токмо с такими отпусками в другие уезды, и больше триццати верст от двора неходить, и ни кому их в работу не принимать: а кто примет, и держать будет больше триццати верст, тот равно как за белого штрафован будет (1724) («Плакат о зборе подушном и протчем» [Российское законодательство IV: 208]);

А которым крестьянину нужда будет итти для прокормления работою в другой уезд, и в таких пропускных писмах, что он отпущен в другой уезд, писать имянно... (1724) [Там же: 209].

По всей видимости, употребление здесь слова *работа* связано с тем, что речь идет о крестьянском труде, по отношению к которому, как правило, употребляется слово *работа* и *работать*.

На отсутствие четкой границы между словами *работа* и *служба* (в значении ‘работа / служба по найму’) указывает и басня Дмитриева «Желанья», где рассказывается о домовых, которые «живут между людьми, неся различные службы, без всякой платы, лишь из дружбы» (1797) [Дмитриев 1967: 220]. Вообще *плата* — это то, что получают за работу, в то время как за службу полагается *жалование, вознаграждение, награда*, но никак не *плата*.

В результате того, что слово *служба* прочно ассоциируется с трудовой деятельностью, при которой работодателем является государство, в ситуациях, когда работодателем является конкретный человек, слово *служба* постепенно употребляться перестало, и на смену ему пришло слово *работа*. Если в текстах XIX века нормальным является словоупотребление *она служит няней*, то в конце XX в. — *она работает няней*. При этом слово *прислуга*, активно употреблявшееся еще до войны 1941—45 гг., вытесняется словом *домработница*, которое не фиксируется не только в лексикографических пособиях XIX века, но даже и в Большом академическом словаре.

В XX веке на эволюцию значения слов *служба / служить* (в контекстах, где речь идет о наемном труде) оказало влияние свойственная советской эпохе характеристика социального происхождения (*из семьи рабочих, из семьи служащих* и т. д.). В противопоставлении слов *работа* и *служба* актуальным становится противопоставление физического и умственного труда.

ПРОМЫСЕЛ

Если в древнейших текстах слово *промысел* фиксируется в значении ‘замысел’, ‘забота’, то в XVI—XVII вв. в текстах светского содержания актуальным становится значение ‘дело, занятие’, а само слово *промысел* включается в систему наименований трудовой деятельности.

Слово *промысел* как указывающее на деятельность человека, дающую средства к существованию, теснейшим образом связано с жизнью городского сословия. Ведь если, в самом общем виде, дворянин трудится на государство (в лице царя), крестьянин — на помещика, то горожанин ни от кого не получает ни жалованья, ни платы. Он получает доход от своего индивидуального занятия, от своего *промысла*. Конечно, горожанин платит налоги и тем самым участвует в государственной жизни, но обязанностей и ограничений в его жизни меньше. Горожанин *промышляет торгом, рукоделием, ремеслом*. В дальнейшем с развитием профессий (а они развиваются именно в городской среде) слово *промысел* становится универсальным наименованием специализированного труда, фактически синонимом слова *профессия* (он *промыслом* *сапожник*, его *промысел* — *уроки* и т. д.). Постепенно (в связи с распространением слова *промышленность*) слово *промысел* перестает употребляться в значении

‘крупное производство’, сохраняя значения ‘индивидуальное производство’, ‘добыча зверя и рыбы’

Промысел: мысль и замысел

Божественный замысел

Слово *промысел* встречается уже в древнейших славянских переводных текстах. Словарь старославянского языка выделяет у этого слова два значения: ‘умысел’ ‘пророчество’ (*лежашту же ему на многы дни промысломъ Божиємъ не оставляюши и по съмрты святаого его тела*) и ‘забота’ (благодарстви Бога творящаго промыслы многы о рабехъ своихъ *πρόνοια sollicitudinem*)³⁹.

Насколько можно судить по материалам картотеки СЛРЯ XI—XVII вв., в текстах разных типов слово *промысел* употребляется в разных значениях. Несколько упрощая ситуацию, отметим, что *промысел* как ‘мысль’ встречается в текстах, содержание которых связано с церковной культурой, а *промысел* как ‘дело’ — в деловых, юридических и других текстах светского содержания. Значение ‘божественный промысел’, ‘пророчество’ является наиболее частотным (хотя и не единственным) в древнерусских текстах XI—XVII вв. церковного содержания:

Да яко же братия отъ сего разумеемъ, яко ничько же бестроя ни бес промысла божия не бываетъ на земли (1076) ([Изборник 1076]. Цит. по: [СЛРЯ XI—XVII, 20: 171]);

Несмотря на то, что в XVII—XVIII вв. более актуальным и часто встречающимся у слова *промысел* становится значение ‘дело, занятие’ (что связано с увеличением в количественном отношении текстов светского содержания), значение ‘пророчество’ по-прежнему остается одним из основных: *Яко не звездным обхождением, но Божиєм промыслом человеческое житие строится* (XVII в.)⁴⁰.

С понятием *промысел* (‘божественный замысел’, ‘план мироздания’) в современном русском церковном языке связано слово *икономия* (*οἰκονομία*), а в русском философском языке — слово *идея*⁴¹.

³⁹ См. [СЯС III: 359]. Из всех старославянских памятников слово фиксируется только в Супрасльской рукописи.

⁴⁰ Алфавит рукопись БАН арх. Д. № 474 л. 30—67 XVIII в. Цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.

⁴¹ Слово *идея* появляется в русском языке в начале XVIII века (первая фиксация относится к 1710 г. — [Смирнов 1910: 117; Фасмер II: 117]). В дальнейшем, судя по картотеке

Хотя в контекстах, связанных с церковной жизнью, слово *промысел* в значении ‘божественный замысел’ активно употребляется и сегодня: *На этом пороге люди обнаруживают, каждый в меру своей способности и глубины духа, Божью волю и Божий Промысел* (1987)⁴².

Замысел человека

На основании СЛРЯ XI—XVII и его картотеки можно выделить три значения слова *промысел*, связанных с общим значением ‘мысль, замысел человека’:

— ‘замысел’ ‘намерение, решение’: *Любы ли тебе те дела и что о тех делах твой промысл [СЛРЯ XI—XVII, 20: 171];*

— ‘воля, желание’: *Выбрали те судьи меня Петрушку к Сали Вычегоцкой к твоему государеву таможенному и их кабацкому збору въ целованники своим заговором по кручине, не по промыслу моему и не по очереди моей* (1626) [Там же];

—‘помышление о чьих-либо интересах’, ‘забота, попечение’: *Святый апостол Павел глаголет: аще кто о своих и присных в вере не промышляет, сей убо веры отвергся есть и невернаго горши. А ты, пастырю, вместо попечения и промысла, прислал грамоту в Пустоозерский острог... не исповедать нас, ни причащать* (1668) [Там же].

Если в современном русском языке слово *промысел* сохранило значение ‘Божий замысел’ ‘пророчество’, то контексты, где субъектом прт глаголе *промыслити* (*промышляти*) является не Бог, а человек, перестали быть употребительными. Однако в XVIII в. значение ‘замысел человека’ продолжало оставаться актуальным. Более того, в ряде случаев слово *промысел* в значении ‘замысел человека’ вытесняло *промысел* в значении ‘замысел Божий’.

Бог — царь — человек

В XVIII веке появляется значительное количество текстов, в которых земной владыка — царь уподобляется небесному владыке —

СЛРЯ XVIII в., оно используется очень активно. Популярности слова *идея* в литературном языке XVIII века способствовал Кантемир: «Идея. Греческое слово, значит начертание предлежащей вещи, которая в уме нашем изображается через чувство или через другой какой образ разумения... Я бы идею назвал по-русски... понятием» (цит. по [Веселитский 1972: 178]). В философском языке слово идея соотносится с *εἰδος* Платона.

⁴² Митрополит Сурожский Антоний (Блюм). Молитва Господня. Молитва и жизнь (Цит. по Национальному корпусу русского языка).

Богу (см. [Живов, Успенский 1987]). В чин «Последование в неделю Православия», который был составлен в 1766 году, было включено анафематствование «помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особому о них Божьему благоволению» ([Успенский 1998: 25; Никольский 1879, 49—50; ср. там же: 263]). Примерно в то же время возникают контексты, где царь наделяется некоторыми свойствами, присущими только Богу, в частности, к нему начинают применяться эпитеты, которые уместно использовать лишь по отношению к Богу. Наиболее ярким является наименование царя *христом*. Оправдывая такую барочную игру словами, Феофан Прокопович подчеркивал, что в греческом это слово значит ‘помазанник’ [Живов, Успенский 1987: 77]. Примеров такого наименования можно привести очень много. Так, например, в 1743 году иеромонах Симон Тодорский в Слове на рождение великого князя Петра Федоровича говорил: «...Христос, сиесть помазанец на всероссийский престол не приходит от колена иного, токмо от семени Давида российского Петра Перваго» (цит. по [Живов, Успенский 1987: 81]. Словосочетание *земной бог* приобрело широкое распространение, поэтому слово *промысел* начинает по отношению к царю употребляться в тех же контекстах, в каких ранее оно употреблялось по отношению к Богу:

Так (...) ограждается безопасностью и тишиною извне любезное
наше отечество попечительным промыслом Всеавгустейшя нашей
Монархии (1792) [Панкевич 1792: 5];

Того ради, естьли кто из завистников благополучия нашего дерзнет неистовым, или коварным озлоблением миролюбивое Монархии
наша сердце на гнев подвигнуть, то познает о всем премудрый Ея
промысл, и хотя он пространными морями, великими реками, или пре-
высокими горами от нас покрыт и огражден будет, однако почувство-
вав свое наказание, помыслит, что иссякло море, прекратили течение
реки, и горы опустившись в равнья поля претворились, помыслит, что
не флот Российской, но целая Россия к берегам его пристала (1749)
[Ломоносов I: 199].

В определенных контекстах (например, в панегирических словах) подобные словоупотребления перешагнули рубеж XVIII века. Так, например, духовенство Казанского собора в речи, обращенной к графу Строганову в связи с освящением собора, говорило:

Духовное сословие Казанского собора за щастие поставляет при-
нести тебе, Сиятельнейший Граф, усерднейшее поздравление с из-
лияниями на тебя от престола Монаршаго милостями. Но что суть

воздаяния сии? что значит первейшее Российской Империи титло? сия высшая степень достоинств, на которую возведен ты ныне изволением Промысла небеснаго и земнаго? [ВЕ 1811, 19: 243].

В этом словоупотреблении обращает на себя внимание то, что слово *промысел* одновременно характеризует и волю царя, и Божью волю⁴³.

Употребление слова *промысел* по отношению к царям имело свою специфику. Если по отношению к стране и подданным самодержец мог отчасти уподобляться Богу, то по отношению к Богу он был простым человеком. В результате создателю текстов каждый раз приходилось определять, какие слова будут использоваться для обозначения человеческого действия, а какие — для обозначения божественного. В этой связи чрезвычайно интересным является «Слово о флоте Российском и победе галерами над кораблями шведскими», произнесенное Феофаном Прокоповичем 8 сентября 1720 г. по случаю победы над шведским флотом при Гренгаме [Феофан Прокопович II: 45—61]. В этом слове Феофан доказывает слушателям, что создание русского флота — это реализация Божьего замысла, а не прихоть Петра I:

И зри, как премудрый Бог, который являет силу свою в малых и несущих вещех, и где подобне сотворил. Понеже бо и богатство и повеление царское сильное есть, только бы к чему была воля его; того ради вся великая дела царским повелением творимая, разум человеческий наречет просто человеческая, не усмотревая в делах таковых, яко от сильного творимых, другой невидимой силы. И тако смотрети подобает на начало дела, от которой и каковой вины двигнулася к тому воля царева; аще бо и где будет некая вина сильная, царское серце к делу понуждающая, яко на пример: нашествие неприятельское понуждает собирати воинство, делати крепости, сооружати амуницию, и прочая, то и где еще человек не глубоко разсуждающий, не увидит смотрения Божия, но все тое просто человеческим промыслом назовет. Аще же некая вещь малая, не нуждная и презренная движнет дух монарший, и произыдет он к делу великому, не видети где видимаго промысла, но мощно видети смотрение невидимое [Феофан Прокопович II: 48].

Отмеченное противопоставление слов *промысел* и *смотрение* соблюдалось далеко не всегда, поскольку существовало огромное ко-

⁴³ Такое смешение едва ли возможно в других литературных жанрах, о чем, в частности, свидетельствует явно пародийная надпись на могиле Дмитрия Ларина «Господний раб и бригадир». Здесь смешение небесного и земного уже используется для создания комического эффекта.

личество культурно значимых контекстов, в которых слово *промысел* использовалось по отношению к Богу. Даже в «Слове о флоте российском» слова *промышление* и *промысел* два раза используются по отношению к Богу. Правда, встречаются они не в оригинальном тексте Феофана, а в приведенной им цитате из Василия Великого:

Сия того вина есть, [яко премудре разсуждает Василий Великий в своем шестодневии], что премудрый мира создатель, промышляя человеком взаимное друголюбие, не благоволил всем странам земным всякия плоды житию нашему потребныя произносити, ибо тогда сии жители на оных, а онии на сих ниже посмотрели бы. (...) Но понеже не возможно было людем имети коммуникацию земным путем от конец до конец мира сего, того ради великий промысл Божий пролиял промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран сообществу послужити могущее [Феофан Прокопович II: 52—53].

Похожую ситуацию мы обнаруживаем и в «Слове на восшествие в Новгород Анны Иоанновны» (13 января 1732 г.). Основная идея этой проповеди — утвердить законность поставления Анны Иоанновны, чьи права на Российский престол были, как известно, достаточно сомнительными. Пересказав историю взаимоотношений Давида и Саула, Феофан проводит мысль о том, что постановление на царский престол является результатом воли Бога, а не человеческих интриг: *Да слышателе, ясно видим, что державныя власти не силою, и хитростью человеческою производятся, но Божием смотрением и промыслом*⁴⁴. То есть здесь *смотрение* и *промысел* выступают в качестве синонимов. Однако в начале этой же проповеди слово *промысел* использовано в значении прямо противоположном: *Властолюбивых человек, мимо Бога власть верховную похитить тщающихся, всякие умыслы и промыслы, и попечения, и хитрости и труды вотще идут*⁴⁵.

Рассмотренные примеры из текстов Феофана Прокоповича показывают, что он считал возможным использовать слова *промысел* как по отношению к Богу, так и по отношению к царю. Причем значение этого слова оказывалось почти противоположным. В одних случаях слово *промысел* соотносится со словом *смотрение* и противопоставляется *силе и хитрости*, а в других, наоборот, соотносится со словами *умысел, попечение, хитрость, труд* и противопоставляется слову *смотрение*.

⁴⁴ Слово на восшествие на престол Анны Иоанновны 19 января 1733 [Феофан Прокопович III: 187].

⁴⁵ [Там же: 182].

При этом причины, по которым Феофан употребляет слово *промысел* в одном или другом значении, могут быть самыми разными. В «Слово о флоте Российском» он использовал слово *промысел* по отношению к действиям человека в тех случаях, когда стремился противопоставить действия Бога и человека, т. е. замысел человека называл *промыслом*, а замысел Бога — *смотрением*. Однако при цитировании он шел за оригиналом, а значит, допускал отступления от этой системы. В «Слове на восшествие на престол Анны Иоанновны» он не пытался лексически противопоставить дела Бога и человека, поэтому слово *промысел* в пределах одного текста может обозначать и волю Бога, и человеческое своеволие.

Промысел и помысел

Говоря о группе значений слова *промысел*, связанных с ментальной деятельностью, нельзя обойти вниманием родственное по происхождению и близкое по значению слово *помысел* (*помысл*). Любопытно, что оба слова могли быть переводом греческих слов *πρόνοια*, *λογισμός* (в зн. ‘рассуждение’), *ἐπιθυμία* (в зн. ‘замысел’). Эти слова имели общий пучок значений, в частности, оба могли выражать смысл ‘замысел Бога’ и ‘замысел человека’. *Промысел* в значении ‘мысль человека’ постепенно уходит из употребления, при этом слово *помысел* в аналогичном значении сохраняется. В то же время слово *помысел* теряет значение ‘божественный промысел, пророчество’ и начинает в этом смысле противопоставляться слову *промысел*.

Для современного языкового сознания слово *промысел* (‘*промысел Божий*’) имеет позитивный смысл, а слово *помысел* — скорее негативный. О том или ином событии говорится, что оно произошло промыслительно, то есть имеет некий высший смысл. В то время как *помысел* (‘*греховные мысли*’) — это то, что открывается на исповеди.

Промысел как дело

Занятие, дающее средства к существованию

Значение ‘дело, занятие’ у слова *промысел* появляется, по всей видимости, в XVI в. Краткая редакция Судебника 1589 г., определяя штрафы за бесчестье в зависимости от рода занятий и происхождения, использует слово *промысел* именно в этом значении:

А выблятку, который не от венчаные жены родилися, бесщество две денги для материных промыслов; а блядям и ведуньям бесщество две денги, по их промыслам; а татем и разбойником, и зажигальщикам, и ведомым лихим людем бесщество нет, потому что оне лихие люди (1589) [Судебники 1952: 354].

В XVII в. слово *промысел* уже регулярно употребляется в таком значении:

Посланы к Москве к стряпчему к Михаилу Стакееву монастырские слуги для промыслу монастырских дел (1690)⁴⁶;

И всяк койждо своим промыслом хваляшеся и храбрством велича-
хуся (1620) [Сказания Авр. Пал.].

Это значение является первичным, общим в большой группе других значений. Производными от ‘дело, занятие’ являются значения, конкретизирующие действие (‘торговля’, ‘ремесло’, ‘добыча полезных ископаемых’, ‘охота’ и т. д.) или же значения, появившиеся в результате метонимического переноса (‘способ осуществления действия’⁴⁷, ‘место действия’, ‘результат действия’⁴⁸). Все эти производные значения так же, как и общее значение ‘дело’, объединяются представлением о том, что промысел не просто ‘дело’, а ‘дело, являющее источником пропитания’, ‘дело, дающее средства к существованию’.

Тексты, где фиксируются значения, относящиеся к этой группе, имеют светское содержание и почти все являются непереводными. Вероятно, значение ‘дело’ развилось из значения ‘забота’, ‘попечение о чьем-либо существовании’. Таким образом, семантическая история слова выглядит следующим образом: *промысел* как ‘замысел’, ‘прорицание’ → *промысел* как ‘забота’, ‘попечение’ (первоначально ‘забота Бога о человеке’, затем ‘забота человека о себе и своих близких’) → *промысел* как ‘дело, являющееся источником пропитания’ (т. е. процесс, при помощи которого человек обеспечивает себя и своих близких).

Следует отметить, что количество зафиксированных употреблений слова *промысел* в значении ‘источник пропитания’ заметно уве-

⁴⁶ Книга приходо-расходная Покровского Сузdalского монастыря. Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.

⁴⁷ Например: *Некий человек мурина купил, мняше же, яко лености ради столь чорень бе приведшиже его домой нача всякими промыслами его мыть* ([Причи Эсоповы 1700]; цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.).

⁴⁸ Например: *Наконец буря весь промысел отняла у мореходцев* ([Тредиаковский 1751]; цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.).

личивается в XVIII веке. По всей вероятности, это связано с двумя моментами. С одной стороны, в результате активного законотворчества и общей бюрократизации государственной жизни увеличивается количество документов, посвященных различным сторонам хозяйственной жизни. С другой — материальная сторона человеческого существования теперь куда больше интересует авторов текстов.

В значении ‘дело, приносящее доход’ слово *промысел* встречается не только в связи с занятием ремеслом и торговлей. Например, промыслом может называться деятельность управляющего, получающего процент с господского оброка:

Сие для меня столько показалось чудно, что я не оставил разведать о промысле господина управлятеля, чем он достает деньги и не можно ли того перенять, однакож промысел оказался для меня непереимчивой. Сия госпожа, сказали мне, имеет около трех тысяч душ, он всеми ими управляет, и сверх господского оброка имеет и свой с каждой же души (1769) [Поденьщина: 23].

Промысел в значении ‘дело, приносящее доход’ встречается и в первой половине XIX века:

Не редко теряются превосходные способности небрежением о воспитании, многие также ограничиваются навыками в промысле, или в механических работах, довольствуясь тем одним, что посредством оных могут снискать хлеб насущный (1800) [Панкевич 1800: 67];

Все, что в Париже вкус голодный, / Полезный промысел избрав, / Изобретает для забав... / Все украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет (1824) [Пушкин VI: 14].

Из приведенных выше примеров отчетливо видно, что всякий *промысел* должен приводить к некоторому материальному результату (приносить доход). Если этого результата нет (или речь о нем не идет), используются другие слова, такие, как *дело, ремесло, занятие* и т. д. Это хорошо видно на примере литературных текстов. Наиболее ярко эту закономерность мы можем наблюдать в тех текстах, где слово *промысел* характеризует деятельность не человека, а животного. В подобных случаях авторы, как правило, специально сообщают читателю о том, какую материальную выгоду персонаж получает в результате этой деятельности. В. К. Тредиаковский пишет о *промысле* пчел, а Сумароков — о промысле лисицы. Характерно, что результатом *промысла* является добыча, некоторый материальный результат труда:

Летит пчела в пределы Флоры // Да тамо слезы ссет Авроры; // Ропистый съемля мед с цветков, // Во внутренность включает жалом, // В количестве, по силе, малом; // О промысл пчельных хоботков (1756) [Тредиаковский 1963: 360].

Терновый куст, // Как ягодой, так шильем густ // И колется. Лиса ярится, // Что промысел ея без добычи варится (1787) [Сумароков 1957: 209].

Неправедный промысел

Поскольку средства к существованию можно получать разными путями, слово промысел может употребляться и в негативном контексте.

Как известно, в России отношение к человеку, работающему на себя, а не на общество, было не особенно одобрительным. Характерно, что слова *мещанин*, *бюргер*, *делец* (означающие, выражаясь современным языком, людей, принадлежащих к среднему классу и имеющих свое приносящее доход дело) приобрели резко негативную окраску. Этим объясняется и тот факт, что слово *промысел* (деятельность, направленная на получение дохода) в русском языке имеет как позитивную, так и негативную окраску, в то время как *труд* (просто деятельность, траты физической или интеллектуальной энергии) — всегда положительную.

Слово *промысел* может обозначать не только честный труд на себя, но и безнравственное, хотя и прибыльное занятие. Это значение фиксируется, например, в собрании пословиц Даля: *Слава вору по промыслу*⁴⁹; *Ох-охонюшки, хорошо жить Афонюшке; одним Фонюшка нехорош: промысел его негож*⁵⁰. Характерный диалог находим в комедии М. Попова «Немой» (премьера состоялась в 1766 году). Трофим — типичный для драматургии XVIII века слуга-плут — называет свою деятельность *промыслом*, что вызывает протест его возлюбленной:

Марина. Видишь, иногда одно слово все дело вершит. Слушай, я тебя также люблю: и хотя бешусь, сказав тебе это, да уже дело сделано; с таким только уговором, чтоб ты отстал от своих бездельств, и постарался ухватиться за хорошее рукомесло.

Трофим. Друг мой (...) Небо одну хитрость оставил мне в удел: всяк обязан по совести промышляти своими талантами; а у меня другого промысла нет.

⁴⁹ [Даль 1957, 167].

⁵⁰ [Даль 1957] (цит. по картотеке СлРЯ XVIII в.).

Марина. Так ты бездельство называешь промыслом?

Трофим. Конечно так; и притом утверждаю, что оно ныне больше всего в употреблении [Попов II: 64].

Мы видим, что Марина противопоставляет *промыслу* своего возлюбленного ручной труд — *рукомесло*, хотя Трофим вполне корректно называет деятельность, приносящую ему доход, *промыслом*.

Часто, когда *промысел* противопоставляется какой-либо другой деятельности (например, *ремеслу*, *искусству* и т. п.), именно слово *промысел* используется с негативным оттенком: *Не у ремесла вор, так у промысла* [Даль 1957: 167]. Впрочем, и в пределах одного фрагмента текста слово *промысел* может использоваться как для обозначения достойного занятия, так и недостойного. Так, например, Михаил Панкевич использует это слово и в тех случаях, когда говорит о занятиях, отвлекающих человека от полезного труда, и говоря о полезной деятельности:

Сколько таковые прибегающие к ничтожным промыслам для своего пропитания, заслуживают по справедливости, чтоб их презирать, лишать всеобщей доверенности, и всеконечно уничтожать в обществе их существование, столько напротив полезных состояния *(...)* достойны всеобщего внимания и попечений о том, чтоб все, соразмерно пользе трудов, усердию и способности к ним *(...)* привлекательными поощрениями подкрепляемы были в привязанности и любви к каждому состоянию *(...)* чтоб каждый, прилепляясь к избранному предмету, уважал и прочия состояния и честные промыслы (1800) [Панкевич 1800: 90].

О том, что слово *промысел* означает труд на собственное благо, причем не только честный, но и преступный, свидетельствуют многочисленные контексты, в которых *промыслом* названа деятельность преступников, воров, нищих и проституток:

Я выгнана была без всякого награждения, и принуждена продолжать сей проклятый промысел, который вам господам мужчинам толь приятным кажется, и который для нас ничто иное, как самая пропасть бедности. Я пошла промышлять в Венецию (1769) [Вольтер 1769: 114—115].

Аналогичное словоупотребление обнаруживаем и в пушкинских «Братьях разбойниках»: *Из подземелия мы в лес // Идем на промысел опасный* [Пушкин IV: 66]. При этом противопоставление промысла и ручного труда сохраняется:

Труд на себя

В языке XVII—XVIII вв. *промыслом* называли те виды деятельности, где человек работал на себя, а не на другого человека или государство. Этот вид труда не предполагал платы или жалований со стороны работодателя, поэтому промысел мы можем считать независимым, или свободным, трудом. Таким образом, для анализа слов, называющих трудовую деятельность (*служба, промысел, работа*), определяющей является оппозиция *свобода / несвобода*, по которой *промысел* противопоставляется *службе*, а *служба* объединяется с *работой*. Отсюда, например, почему промыслом называли торговлю, в результате которой обогащался сам человек. Для характеристики деятельности интенданта, закупавшего продовольствие для солдат, использовался глагол служить, а по отношению к купцу, даже действовавшему по указу царя, а не по собственной воле — глагол промышлять: *По государеву указу велено посыпать в Астрахань для торгового икрыного промыслу ... торговых людей* (1626)⁵¹.

Здесь следует сделать одну существенную оговорку. Разные эпохи относятся к идее свободы по-разному. Если человек XXI века фетишизирует свободу, а значит, наделяет этот смысловой компонент исключительно позитивной семантикой, то вопрос о том, что значила свобода для человека XVIII века, нуждается в специальном исследовании, предпринимать которое мы здесь не можем. На наш взгляд, по крайней мере, до начала XX века социально престижной была не свобода, а место в социальной иерархии, юридически закрепленное Табелью о рангах. При этом относительная независимость от государства, означавшая выключенность из этой системы, не считалась благом. Даже такая уникальная для Российской империи льгота, как свобода вероисповедания (правда, при условии увеличения в два раза размеров налога), не воспринималась как преимущество⁵². Купцы-старообрядцы составляли пусть и влиятельные, но маргинальные сообщества, говорить о престижности которых не приходится. Таким образом, для XVIII века мы можем говорить, что именно государство здесь является носителем престижной культуры. Если начиная со второй половины XIX века актуальным станет противопоставление

⁵¹ [Акты Астраханской воеводской избы]. Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.

⁵² В 1716 году Петр I издал указ об обложении старообрядцев двойным налогом. Таким образом, увеличив выплаты в пользу государства, человек покупал религиозную свободу.

интересов общества интересам государства, то в XVIII мы видим абсолютное господство государства.

Для нормального функционирования государство нуждалось в деньгах (которые оно получало от своих граждан в форме налогов) и физическом участии в общественной жизни (для XVII века — это почти исключительно военная служба). Соответственно население страны делилось на служилых людей, составлявших войско, и тяглых — то есть несущих податное тягло, доставляющих в казну деньги. Причем общественное устройство не предусматривало возможности выбора занятия по собственному усмотрению. Служилый человек всю жизнь нес военную или приказную службу, не имея возможности выбирать место жительства и характер своей деятельности. Источником существования для служилых людей были поместья, то есть наделы государственных земель, предоставляемые им в пользование вместе с населяющими эти территории крестьянами.

Подобно тому, как помещики были пожизненно закрепощены государством, крестьяне были точно так же закрепощены помещиком. «Крепостное право на крестьян установилось в московском государстве не столько в интересах помещиков, сколько в интересах государства: если крестьянин был обязан вечно работать на помещика, зато и помещик был вечно обязан служить государству» [Кизеветтер 1903: 6]. Подобным же образом были закрепощены и горожане (посадские люди). Единственными разрешенными им видами деятельности были торговля и ремесло. «Классы общества различались друг от друга по роду своих служб, по содержанию своих повинностей, но все одинаково являлись, как тогда говорили, подневольными «государевыми холопами» [Там же: 7].

Таким образом, классифицируя виды занятий населения России XVII—XVIII веков, мы можем говорить не о свободе выбора занятий, а о более или менее тесной связи с работодателем. При этом оказывается, что *промышленник* (трудовая деятельность которого обозначается словом *промысел*) отличается от солдата или приказного тем, что он не находится в непосредственной зависимости от работодателя, а в большинстве случаев сам для себя является и работодателем, и работником. Соответственно противопоставление *промысел* ↔ *служба, работа* соотносится с противопоставлением *свобода* (от работодателя) ↔ *несвобода*.

Известно, что слово *промысел* могло использоваться для характеристики достаточно широкого круга занятий. Однако не вызывает никакого сомнения, что наиболее последовательно это слово использует-

зовалось для характеристики занятий горожан. Не случайно в текстах, где речь идет о защите интересов горожан, слово *промысел* используется в качестве универсального названия для городских занятий:

Главному магистрату старание иметь надлежит, чтоб в каждом городе градские люди несносными постями отягощены *не были*, и от того б в торгах и в промыслах их помешательства не было, и тем в казенных платежах отговорки не имели (1721) [Реформы Петра I: 197].

Городской промысел

«Промысел» и «служба» в городе

Прежде чем говорить о промыслах жителей русских городов до-петровской эпохи, следует указать на то, что городское население не только промышляло, но и служило. Занятия городских жителей (и соответственно слова, которые называют эти занятия) связаны с социальной структурой городского населения и косвенным образом с историей самого города, принципами его заселения, функциями городских районов. В жизни городов военно-административная функция тесно пересекалась с торгово-ремесленной. Первоначально город означал укрепленную крепость, о чем свидетельствует и внутренняя форма этого слова. Летописное сообщение о том, что некий князь «ставит город» означало сооружение крепостной стены, как правило, вокруг уже существующего поселения и размещения там вооруженного отряда. Таким образом, в городе появлялись служилые люди, направленные туда центральной властью для управления и несения военной службы. Эти люди жили в городской крепости, а их деятельность называлась *службой*.

Тех городов дворян и детей боярских завоеводчиков и ясаулов и начальных людей и сотенных и копейщиков и рейтар и солдат и городовых службы и отставных и всяких чинов служилых людей конных и пеших и недорослей, против прежних разборных книг и наличных списков пересмотреть всех на лицо и взять у них сказки за руками, а в сказках велеть им писать по святей непорочной Евангельской заповеди Господни вправду, с которых годов они и какие службы служат (1694) [ПСЗРИ I: 3 № 1502, 187].

Вокруг укрепленного города располагались посады и слободы, население которых было занято ремеслами и торговлей. Постепенно посады и слободы входили в городскую черту, причем первоначальный

укрепленный (огороженный) город становился городской крепостью, кремлем. Вплоть до XVII века не было резкой границы между городом и деревней⁵³. Лишь после того, как крестьяне были прикреплены к земле, а посадские люди — к месту их жительства, права и обязанности крестьян и горожан стали сильно отличаться друг от друга. Обособление горожан, с одной стороны, от служилых людей (= дворян), а с другой — от крестьян влекло за собой и более отчетливое обособление слов, характеризующих специфическую деятельность горожан. Уже законодательные акты Алексея Михайловича обозначают занятия горожан, которые не служат непосредственно государству, словом *промысел*:

Которыя слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и оконничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленые люди и всякими торговыми промыслы промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служб не служат и те все слободы со всеми людми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы беззетно и бесповоротно, опричь кабальных людей... (1649) (Соборное уложение 1649 г., глава XIX, п. 1 [Российское законодательство III: 201—202]).

А которые в городех же иных чинов служилые люди, пушкари и затинщики, и воротники, и казенные плотники, и кузнецы сидят в лавках, и всякими торговыми промыслы промышляют, и им, с торговых своих промыслов, по тому же платити государевы таможенные пошлины, и быти им в тягле, и всякие государевы подати платити и службы служити с посадскими людми в ряд (1649) (Там же, п. 12 [Там же: 204]).

Уложение 1649 года противопоставляет людей служащих и соответственно не платящих налогов («тягло»), людям промышляющим и соответственно платящим налоги. Совмещение *службы* и *промышленства* законодательство явно не поощряет, хотя для некоторых групп населения (например, стрельцов) делается исключение:

А которые всяких чинов люди на Москве емлют государево дежнкое и хлебное жалование и лавки за собою держат, и наймуют, и всякие промыслы промышляют, опричь стрельцов, и тем людем быти попрежнему в своих чинех, и служить государевы службы с государева жалованья. А с торговых со всяких промыслов быти им в тягле в

⁵³ В бытовом плане эта разница не особенно ощущалась и в XIX веке [Миронов I: 293—299].

сотнях и в слободах и вряд с черными людьми подати давать, а службы никакой тяглой не служить, а кто не похочет в тягле быть, и тем людем лавки свои продать государевым тяглым людем (1649) (Там же: п. 4 [Там же: 202]).

Несмотря на то, что идея развести *службу* и *промысел* присутствует во многих законодательных актах и публицистических сочинениях XVII—XVIII века, последовательно провести эту идею так и не удалось. К тому же существовали социальные группы, для которых совмещение службы и промысла было нормальным делом. В первую очередь это относится к казакам, которые сочетали военную службу с ведением личного хозяйства:

Казацкие войска суть люди, служащие к обороне границ Российской Империи (...) Пропитание свое получают от разных промыслов, звериных и рыбных ловель, от скотоводства и земледелия. (...) По службе могут они причисляться к военнослужащим, а по промыслам — к мещанству, также и земледельцам (1768) [МЗК XXXVI: 235].

Приведенный пример интересен тем, что в нем содержится отчетливое противопоставление *службы* и *промысла* и положение казачества характеризуется как бы по двум независимым параметрам. Это связано с особым статусом казаков, для которых жалование играло куда меньшую роль, чем доходы от хозяйственной деятельности. Поэтому по отношению к казакам в одних случаях уместно употребление слова *промысел*, а в других — *служба* (и соответственно жалование). В качестве иллюстрации приведем фрагмент выступления депутата от Уфимского казацкого войска Прокопия Бурцева на 91-м заседании Екатерининской Уложенной комиссии (6 марта 1768 г.):

Козаки получают паспорты на отлучку вне Оренбургской губернии из Оренбурга, из тамошней войсковой канцелярии. Поэтому в переписке и в ожидании тех паспортов, по отдаленности мест, теряется к промыслам удобное зимнее время, ибо только тогда они освобождаются от службы на несколько времени. От промыслов же своих они более, нежели от чего другого, даже от жалованья, доставляют себе пропитание и способы к исправной службе (1768) [МЗК XIV: 114].

Из приведенных здесь примеров хорошо видно, по какому основанию противопоставляется *служба* и *промысел*: за *службу* платят жалование, а *промысел* приносит доход сам по себе.

Окончательному разделению *службы* и *промысла* способствовали и городские реформы Петра, в результате которых заметно возросли

обязанности горожан перед государством. Городское самоуправление означало, что горожане, подобно дворянам, могут осуществлять государственные функции, то есть *служить*. Именно этот термин используется в документах, посвященных государственным обязанностям горожан:

Великий Государь указал Боярину Князю Васильевичу Голицыну, да Окольничему Ивану Ивановичу Чаадаеву, да Думному Дьяку Аверкию Кирилову с товарищи к Своим Великаго Государя делам в службы разобрать и росписать и изровнять, что служить Гостем в шестой год, а гостинныя и суконныя и дворцовых и Кадашевцам и конюшенных слобод и черных сотен и всех городов посадским людем и дворцовых больших сел и слобод крестьянам в осьмой или в девятой или в десятой год, чтоб всем по Его Государскому милостию рассмотрению служить и всякия подати платить в равенстве не в тягость (1681) («Об уравнении службою и податьми разного чина людей» [ПСЗРИ I: 2, № 899, 366]).

В соответствии с этим указом купцы и ремесленники раз в определенное количество лет (от шести до десяти) должны были выполнять государственные повинности, то есть *служить*. А в остальное время каждый из них занимался своим *промыслом*.

За период времени, прошедший между Уложением 1649 года и законодательными актами Екатерины II, окончательно сформировалось сословное общество, а следовательно, и представления об особенностях трудовой деятельности представителей различных сословий. При этом занятия горожан именовались *промыслом, рукodelием, ремеслом, искусством (художеством) и торговлей*⁵⁴. В «Жалованной грамоте городам» говорится:

Всероссийские самодержцы от самых древних лет с разширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, дая в них безопасное пристанище торгу и рукodelиям. (...) Не оставили мы как их, так и те, кои предками нашими сооружены были, снабдить надлежащим управлением, освободить рукodelия, промыслы и торговлю от принуждений и притеснений и преподать им различные полезные способы и ободрения [Российское законодательство V: 68].

При этом многие виды деятельности, связанные с выполнением государственных функций, по-прежнему называют *службой*. Служ-

⁵⁴ При этом во многих случаях слово промысел означает более общее занятие, а *рукodelие, ремесло, торговля, искусство* — более частные.

бой называют, например, деятельность ямщиков (почта — централизованная государственная структура) и целовальников:

А на них *(холмогорцах Ясаулове и Кобякове)* по тому разчислению в вышепомянутые годы доставлено излишних денег, и заслужено целовальнических служб и в работу взято людей многое число (1715) [Доклады и приговоры V: № 762, 596].

Городские законы Петра: конструирование или переименование

Говоря об истории слов, характеризующих занятия горожан, естественно в первую очередь обратиться к законодательным актам, регламентирующими их права и обязанности. При этом выясняется, что история интересующих нас слов неотделима от истории городских законов. Как известно, русское законодательство XVIII века активно заимствовало отдельные термины и целые пассажи из европейских законов. Однако обращение к иноязычному оригиналу может ввести в заблуждение. Дело в том, что, ориентируясь на европейские образцы, русские законодатели нередко решают задачи, заметно отличающиеся от европейских. В результате тексты, значительную часть которых можно охарактеризовать как перевод, имеют смысл, отличный от оригинала, если не противоположный ему.

Реформу городского хозяйства России обычно связывают с именем Петра I, изъявившего население городов из ведения воевод и тем самым заложившего основу городского самоуправления. Реформируя жизнь города и создавая ратушу — новый орган городского самоуправления, Петр преследовал чисто фискальные цели⁵⁵. Еще

⁵⁵ Весьма характерными в этом отношении представляются те контексты, в которых петровское законодательство говорит о промыслах горожан. Петр видит в оскудении промыслов зло, поскольку в результате этого казна недополучит налоги: «Притом же велеть и того накрепко смотреть, дабы офицеры, солдаты, матросы, полковые харчевники; которые градских податей не платят (...) в городах никаким товаром и харчевым промыслом, какого б оные звания ни были, не торговали, и тем бы градским жителям обид не чинили. (...) И в том во всем губернаторы (...) магистратам всякое чинить вспоможение, и никого в таких продерзостях не щадит, потому что от таких непотребных промыслов умаляются пошлины и прочие казенные доходы». (Реформы Петра, 198). В этом же документе в главе, посвященной полиции, среди обязанностей полиции названо и принуждение горожан к честному промыслу: «Оная *(полиция)* (...) принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей» (Реформы Петра, 195). Выше мы говорили о том, что основным отличием промысла от иных видов трудовой деятельности является то, что под промыслом

П. Н. Милюков обратил внимание на то, что «указы 30 января 1699 г., создавшие Ратушу, заботились, как видно из самого их содержания, не столько об устраниении приказной волокиты и воеводских обид купечеству, сколько о том, чтобы “его великаго государя казне — окладным доходам доимки, а пошлинам, питейным и иным сборам недоборов не было”; они устанавливали новую подсудность только для того, чтобы надежнее урегулировать финансовую ответственность» [Милюков 1892: 116]. В результате этой реформы важнейшие из прямых и практически все косвенные налоги стали собираться в городских поселениях. Для обеспечения налоговых поступлений правительство стремится связать городских плательщиков круговой ответственностью, возлагая сбор податей на самих горожан. При этом правительство постоянно стремится найти среди городского населения лиц, могущих отвечать за налоговые поступления собственным имуществом.

По иронии судьбы для выполнения этих фискальных задач Петр заимствовал европейские законы, гарантирующие городам самоуправление и относительную независимость от центральной власти. В подготовке реформы заметную роль играл поступивший на русскую службу в 1715 году Генрих Фик, командированный Петром в Швецию для изучения деятельности органов управления [Милюков 1905: 426—427]. 11 июня 1718 года Петр I в ответ на предложение Фика «*магистратов градских уставить и добрыми регулы снабдить*» наложил резолюцию: «*Учинить сие на основании Рижского и Ревельского Регламента, по всем городам*» [ПСЗРИ I: № 3208, 574]. То есть петровское городское законодательство было ориентировано на германскую традицию, к которой относились Рижское и Ревельское законодательство [Дитятин I: 199].

В свои законодательные акты Петр вводит значительное число заимствованных слов⁵⁶. Провести границу между реформой и переименованием возможно далеко не всегда. В 1699 году Московская бургомистрская палата была переименована в Ратушу (из польск. Ratusz), а члены Земских изб названы бургомистрами [ПСЗРИ I: 3, № 1718, 669]. Часто трудно понять, в каких случаях мы имеем дело с появлением

лом понимается свободный труд. Таким образом, полиция должна принуждать горожан к свободному труду.

⁵⁶ Источники терминов, использованных в Указе от 30 января 1699 г., см. [Варадинов 1861: 72—74].

новых реалий, а в каких с переименованием уже имеющихся⁵⁷. В качестве иллюстрации приведем лишь один пассаж из седьмой главы «Регламента главного магистратса»:

Магистрату граждане надлежат, и в двух гильдиях [пол. *gildja*, нем. *gilde*]⁵⁸ состоят такие: Банкиры [пол. *bankier* от франц. *banquier*]⁵⁹ (которые дают на векселя [нем. *wechsel*]⁶⁰ деньги), знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными многими товарами в рядах торгуют, городские докторы, аптекари, лекари, шиперы [гол. *schipper*]⁶¹ купеческих кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рещики, токари и сим подобные. Из которых первой гильдии или первостатейные состоят, и от другого подлого гражданства привилегиями [нем., лат. *privilegium*]⁶² и преимуществы суть отменны: яко банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными товарами в рядах торгуют, городские докторы, аптекари, лекари, шиперы купеческих кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы. Во второй гильдии, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукомесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные. (...) Каждое художество и ремесло свои особливые цунфты [нем. *zunft*]⁶³ (цехи) или собрания ремесленных людей, и над оными алдерманов

⁵⁷ Приведем в этой связи характеристику, которую дал Петровской реформе государственного управления П. Н. Милюков: «По обычному представлению, Петр отменил <...> думу и приказы, потому что сознавал такие-то и такие-то их недостатки. Недостатки эти выводятся из сравнения новых учреждений со старыми. Приказы заменены коллегиями: следовательно, Петр уничтожил приказы, потому что предпочитал коллегиальное начало управления и не одобрял единоличного. Что Петр действительно понимал значение коллегиального начала и, может быть, даже несколько преувеличивал это значение, — в этом не может быть никакого сомнения, так как подтверждается его собственными неоднократными заявлениями. Это обстоятельство могло усилить его интерес к коллегиям, но не могло обусловить его решения ввести коллегии в России. Коллегии необходимы были ему как единственный ему известный и многократно рекомендованный иностранный образец учреждений; коллегиальность интересовала его как симпатичная подробность их внутреннего устройства. Если отнять у коллегий их коллегиальность, — за ними останется достоинство бюрократического устройства, то есть именно то, что было наущно необходимо тогдашней России, в то время как коллегиальность была для нее слишком деликатным экзотическим продуктом и осталась в действительности мертвой буквой» [Милюков 1905: 420—421].

⁵⁸ [Смирнов 1910: 89].

⁵⁹ [Там же: 55].

⁶⁰ [Там же: 72].

⁶¹ [Там же: 329].

⁶² [Там же: 240].

⁶³ [Там же: 324].

[англ. *alderman*]⁶⁴ (или старшин) по величеству города и по числу художников имеет, також и каждое ремесло и художество свои книги имеют, в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержаны быть должны. А ежели из вышеупомянутых цунфтов из алдерманов (или старшин) кто явится в добрых поступках: то таких и в вышеписанные гражданские чины выбирать, которые магистрату во всех градских делах советом и делом вспомогать должны, а лучшие из них в ратманы [нем. *rathmann*]⁶⁵, а потом и в бургомистры [нем. *bürgermeister*]⁶⁶ выбраны быть имеют [Реформы Петра I: 193].

Характерно, что многие из вводимых здесь заимствований снабжены переводом: *первой гильдии* — *первостатейные, цунфты* — *цехи*, алдерманы — *старшины*, регулы — *уставы*.

Заимствуются не только слова, но и существенные понятия. Если в одних случаях русское и иностранное слово можно рассматривать как синонимы (регулы-уставы), то в других соотнесение слова с реальностью, которая стоит за ним, представляет большие сложности. Наиболее показательным представляется в этой связи употребление слова *гильдия* для обозначения двух видов *регулярных граждан*, то есть жителей города, исключая иностранцев и шляхетство. При этом если в европейской традиции, на которую ориентировался Петр, гильдии представляли собой реальные корпорации, нередко имеющие собственного небесного покровителя и способные отстаивать свои интересы, то петровское законодательство превращало принадлежность к гильдии в знак статуса. Ни о каком корпоративном духе здесь речь не шла. На это обратили внимание еще в середине XIX века. «Если сравним значение немецкой, Рижской и Ревельской гильдии с гильдиями Петра Великого, — писал в 1861 году Н. Варадинов, — замечаем, что к нам перенесена одна форма установления, без его содержания. Гильдия по понятиям немцев составляла общество, братство, по уставам городов Риги и Ревеля — общество, принимающее участие в городском управлении; у нас гильдия со времен Петра I не представляет вовсе общества, как в Германии, ни того сословного соединения, какое она имела по понятиям немцев» [Варадинов 1861: 90].

«Регламентом Главного магистрата» и другими законами был весьма подробно определен состав городского населения, принципы разделения жителей города на классы, их права и обязанности. Если

⁶⁴ [Там же: 34].

⁶⁵ [Там же: 253].

⁶⁶ [Варадинов 1861: 78].

принадлежность к первой или второй гильдии зависела от имущественного статуса или престижности занятия, то вхождение в число регулярных граждан (именно они принадлежали к одной из гильдий) определялось наличием *промысла*, своего дела. Нерегулярными гражданами считались⁶⁷ «все подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах» [Реформы Петра I: 193]. Согласно петровскому законодательству, работник по найму не мог стать регулярным гражданином.

Место человека в моделируемом «Регламентом Главного магистрата» городе определялось характером его промысла. Соответственно те, кто не выполнял ни одной из предусмотренных «Регламентом» функций, оказывался вне городского социума и подвергался наказанию. Для таких людей должны были создаваться смирильные дома:

Оным смирильным домам надлежит быть ради таких людей, которые суть непотребного жития и невоздержного, яко сыновья, которые родителям своим також и учителям явится не послушны, и от злого жития не престанут, и ни к чему доброму склонны не будут; подобно ж которые и совершенного возраста впадут в непотребное житие, учнут имение расточать, домы разорять и прочие непотребностичинить, такожде и рабы не потребные, которых уже никто в службу не приемлет, еще ж ленивые, здоровые, нищие и гуляки, которые не хотят трудиться о своем пропитании, ядят хлеб вотще, и прочие сим подобные: то таковых всех надлежит сажать в смирильные дома, кто на какое время по злым его поступкам будет достоин, и посыпать их на работу, чем бы они могли пропитание свое заработать, чтоб никогда праздны не были [Реформы Петра I: 201—202].

Таким образом, полноправными горожанами могли стать лишь те, кто имел собственный промысел и соответственно был интересен государству как налогоплательщик. Эта мысль, прямым текстом изложенная в «Регламенте», оказывается для читателей последующих эпох непрозрачной. Использование западноевропейских источников вводит петровские городские законы в совершенно иной контекст. За юридическими формулировками, созданными для обоснования независимости третьего сословия, трудно увидеть почти исключительно

⁶⁷ Термин *нерегулярные граждане* в «Регламенте главного магистрата» не встречается. Здесь имеются лишь указание на то, что в ведении магистрата находятся горожане, часть из которых входит в гильдии и относится к числу регулярных граждан. Название тех горожан, которые не входят в число регулярных, не приведено, но по логике они должны называться нерегулярными.

фискальный интерес. Петра волнует не столько развитие ремесла и торговли, сколько упрощение процедуры сбора налогов. Внимание к горожанам, имеющим собственный промысел, для Петра определяется возможностью, во-первых, собирать с них значительную часть налогов, а во-вторых, именно на финансово независимых горожан было можно переложить функции сбора этих налогов. Горожане имели личное имущество, которым могли отвечать в случае недоимок.

Человеку, знакомому с историей европейского законодательства, появившиеся в конце XVII — начале XVIII века законодательные акты могут показаться шагами по направлению к личной свободе горожан. Однако сами горожане смотрели на ситуацию иначе и совершенно не жаждали тех свобод, которые давали им новые законы⁶⁸. Весьма показательными в этом отношении является судьба указа от 11 июля 1681 года «О мерах к отвращению убытка казне, происходящего от недобора пошлин с товаров, об отмене таможенных откупов и о поручении сего сбора верным головам и целовальникам» [ПСЗРИ I: 2, № 876]. Первая статья этого закона предписывала: *Выбрать в Головы и в ларечные и в рядовые целовальники (...) самых добрых и знающих и пожиточных и правдивых людей, кому б в сборе Великаго Государя казны мочно было верить и в том сборе перед прошлыми годами учинить прибыль* [ПСЗРИ I: 2, № 876, 329]. А 18 июля появился указ «О продажи питей» [Там же: 2, № 879], в котором говорилось о том, что собирать пошлины должны люди зажиточные. Выполнять эти указы городские общины отказались, ссылаясь на то, что все купцы разъехались по ярмаркам и выбирать не из кого ([Там же: 2, № 880]; см. также [Милюков 1892: 117]). Можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что горожане прилагали максимум усилий для того, чтобы их не коснулись реформы, связанные с городским самоуправлением⁶⁹.

⁶⁸ Горожане нередко были обязаны свободно выбирать из своей среды исполнителей тех работ, на которые нельзя было найти желающих. Характерным в этом отношении является боярский приговор «О выборе во всяком городе палачей» (16 мая 1681 г.): «Послать Великого Государя грамоты к Воеводам, чтобы они в заплечные мастера взяли тех (...) из посадских людей, которые волею своею в тое службу быть похотят; а будет охотников не будет, и посадским людям велеть выбрать из самих из молодчих, или из гуляющих людей, чтоб во всяком городе без палачей не было» [ПСЗРИ I: 2 № 868].

⁶⁹ Регламент главного магистрата был далеко не первой городской реформой XVII века, причем на всех этапах реформы городские жители по мере сил ей противились. Когда 1 марта 1698 года Петр подписал указ, допускавший сбор налогов самими горожанами, минуя воевод, большинство городов ее просто проигнорировало. Эта

На первый взгляд ориентация Петра на европейскую традицию кажется курьезом. Вся история европейских городов — это борьба за независимость от феодальной или же королевской власти, в то время как задача, которую ставил перед реформируемыми городами Петр, была прямо противоположной⁷⁰. Заимствованные из европейской практики органы городского самоуправления в России должны были работать не на город, а на все государство. Такое противоречие исследователи отмечали еще в XIX веке. «Если царственный работник и жаловался на всеобщую апатию русского народа вообще, — писал исследователь русских городов И. Десятин, — если он и старался возбудить энергию в его сословных элементах, то вовсе не в смысле автономии; нет, он требовал этой энергии от общества для государства; он требовал, чтобы все служило «к наивящей государ-

---

реформа не была общеобязательной. Города сами могли выбирать, кому подчиняться — воеводе или вновь учрежденной в Москве Бурмистерской палате. Избавление от власти воеводы и подчинение Бурмистерской палате предполагало двойной оклад, то есть увеличение налогов в два раза. Желающих платить за возможность выйти из ведения воевод оказалось немного. По подсчетам П. Н. Милюкова из 70 городов Смоленского, Новгородского, Владимирского, Устюжского и Галицкого приказов только 11 безусловно приняли правительственные предложения, в то время как отказались от него 33 города и еще 26 избрали Бурмистров, но проигнорировали идею двойного платежа [Милюков 1905: 86—87].

⁷⁰ Ярким примером такого рода является история российских городских гербов. Как известно, европейские городские гербы являлись знаком того, что город признан верховной властью как самоуправляющаяся единица [Соболева, Артамонов 1993: 67]. Поэтому жители европейских городов стремились к приобретению герба. В России же развитие городской геральдики было связано с необходимостью помещать на полковых знаменах эмблемы тех местностей, к которым эти полки были приписаны. Как известно, после губернской реформы 1708 года расположенные в городах полки получили названия городов [ПСЗРИ I: 4, № 2319, 618—621; № 2474, 787; № 2475, 787—791], а их эмблемами стали эмблемы городов и областей. В случаях, когда города гербов не имели, их приходилось изобретать [Соболева 1981: 29—30]. Другим стимулом для развития российского гербоведства стал петровский Указ «О форме суда» (5 ноября 1723 года). Судебное делопроизводство велось в специально прошитых и опечатанных тетрадях [ПСЗРИ I: 7, № 4344, п. 2, 147]. Судебные решения должны были скрепляться печатями, на которых изображались городские гербы. С этой целью товарищ герольдмейстера итальянец Франциск Санти сочинил гербы для десятков городов [Соболева 1981: 46]. А в екатерининские времена, когда изготовление городских гербов приобрело массовый характер, подчиненное положение города стало символически изображаться и на самом гербе. В указе от 20 июня 1778 года о создании гербов городов Ярославского наместничества указывается принцип «в каждом новом городе иметь часть герба Ярославля с некоторым по приличеству каждого названия, где можно было, прибавлением» [ПСЗРИ I: 20, № 14765, 724]. Таким образом, вопреки геральдическим законам, герб российского города стал символизировать не независимость города, а его место в системе наместничеств или же губерний.

ственной пользе». Ему нужна была не автономическая деятельность его подданных, а наоборот, ему необходимо было, чтобы все силы их были закрепощены прямо или посредственно государству; но он хотел при этом почти невозможного — чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвяшая чуждому в их глазах, им делу, чуть не все свои силы. Этого он требовал и от городского торгово-промышленного сословия, и оно должно было нести свое тягло, работая над созданием государства, как политического тела, как члена европейской международной семьи; и оно должно было служить этой цели людьми и деньгами. Независимые от государства общественные интересы и цели не имели в глазах преобразователя почти никакой цены. Все это диаметрально противоположно духу и сущности западноевропейских городских учреждений, как они выработались историей» [Дитятин I: 202].

Екатерининское законодательство: займствования и реальность

При анализе Петровского законодательства не всегда возможно понять, где говорится о создании новых институтов, а где речь идет лишь о переименовании, поскольку за словами далеко не всегда стоят жизненные реалии. В Екатерининскую эпоху между законодательными формулировками и реальной жизнью постепенно стало устанавливаться соответствие. Общая схема государственного устройства представлена уже в «Наказе», где городские жители названы *Bourgeois*, а в русском переводе — *мещане*:

<p><i>В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках</i> [Чечулин 1907: 106].</p>	<p><i>Les villes sont habitués par des Bourgeois, qui s'occupent des métiers, du commerce, des arts & des Sciences.</i></p>
---	---

Екатерининский «Наказ» называет мещан «средним родом людей»⁷¹:

⁷¹ Кизевиттер [1909: 149] указывал на то, что на этой части «Наказа» основано определение «среднего рода людей» в «Грамоте городам»: *Города от предков наших и нас самих не только для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть, умножая доходы государственные, устройством поддают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла; и для того городовых обывателей средняго рода людей, или мещан, отличное состояние да будет наследственно, как следует* [Российское законодательство V: 88].

<p>378. Сей род людей, о котором говорить надлежит, и от которого государство многое добра ожидает, естьли твердое на добронравии и поощрении ко трудолюбию основанное положение получит, есть средний.</p>	<p><i>Cette classe d'hommes, dont il faut parler, & de laquelle l'Empire se promet beaucoup de bien, lorsqu'elle aura reçu une constitution ferme & tendante à encourager les bonnes mœurs & l'amour du travail, est l'État mitoyen.</i></p>
---	--

Согласно «Наказу», горожанин занимает промежуточное положение между дворянином и крестьянином. Его занятием являются художества, науки, навигация, торговля и ремесло.

<p>379. Оный пользуясь вольностию, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам.</p>	<p><i>Cet État compose de gens libres, n'appartient ni à celui de la noblesse, ni à celui des Laboureurs.</i></p>
<p>380. К сему роду людей причесть должно всех тех, кои не быв дворянином и хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах.</p>	<p><i>On doit comprendre dans cette classe d'hommes tous ceux qui n'étant ni Gentilshommes, ni Laboureurs, s'occupent des arts, des sciences, de la navigation, du commerce & des métiers [Чечулин 1907: 109].</i></p>

Статус мещанина — жителя города — императрица описывает достаточно подробно. Мещане «обязаны принимать участие в добром состоянии города, имея в нем дом и имения» (*sont engagés à prendre part à la prospérité d'une Ville parce qu'ils y ont leur maison & leurs biens*). Для своего собственного блага мещане должны платить разные пошлины (*de paier differens impôts*)⁷², что дает им право иметь мещанские выгоды (*avantages accordés aux Bourgeois*)⁷³.

Основным документом, дающим официальные имена реалиям городской жизни, является «Жалованная грамота городам» (1785). Этот документ основывается на многих источниках, в число которых входит и «Наказ». Кроме «Наказа» важными источниками являются переводы западноевропейских законодательных актов, подготовленные Комиссией по составлению Нового уложения. Однако характер использования Екатериной европейских юридических текстов сильно отличается от петровского. Если Петр стремился дать реалиям российской действительности иностранные имена, то для Екатерины переименования не являлись самоцелью. Она охотно заимствовала юридические формулировки, но лишь постольку, поскольку они соотносились с русскими реалиями.

⁷² [Чечулин 1907: 111].

⁷³ [Там же: 112].

В распоряжении императрицы имелся обширный материал, подготовленный Комиссией о городах, которая функционировала в рамках Комиссии для составления Нового уложения. Подготовленные Комиссией выдержки из западноевропейского законодательства («экстракты»)⁷⁴ императрица использовала весьма интенсивно. Однако, по наблюдению Кизеветтера, заимствовались не идеи и не слова, а формулировки. При этом Екатерина не держалась за слова и легко отказывалась от заимствованных терминов, отдавая предпочтение реально употреблявшимся. Для того чтобы представить себе характер работы с текстами «экстрактов», приведем несколько статей «Городового положения» (оно является частью «Жалованной грамоты»), являющихся переработкой «экстрактов», извлеченных из шведского «Устава о художниках и их братской расправе, гильдиях и собраниях» (1 марта 1699 г.)⁷⁵.

Городовое положение	Шведский Устав о художниках по тексту «экстрактов»
Ст. 73. Ремесленничий ученик обучается ремеслу не более пяти и не менее трех лет; буде однако уже знал что ни есть касающееся до сего ремесла, в таком случае положенный для выучки срок по разсуждению старшины и старшинских товарищай уменьшить можно.	<i>Ученику у мастера быть не более пяти и не менее трех лет, а буде он до того несколько обучался, то урочное время по рассмотрению альдермана и его товарищей может быть урано</i>
Ст. 49. Каждый мастер имеет в доме своем право хозяина над подмастерьями своими, так как над учениками и всеми прочими своими домашними; однако с тем, чтобы права города и управы им не нарушаемы были.	<i>Каждый мастер в своем доме над своими гезелями, работными людьми имеет право хозяйства, лишь бы оное не в нарушение и противность гражданских и цеховых прав было</i>
Ст. 108. Подмастерья да не отважится ночевать вне дома своего мастера, без ведома и дозволения онаго; наипаче же ему запрещается сманить с собою учеников в трактиры или непозволенные собрания. Погрешивший в сем платит пеню.	<i>Никому из гезелей вне дома своего мастера без его воли в другом месте не ночевать и учеников и работных людей в непристойные места с собою не поваживать под штрафом (...) Если и от того неуймется, то по рассмотрении бургомистра и ратманов наказывать</i>

При работе с текстами «экстрактов» составители «Городового положения» стараются не использовать неприжившихся заимствований.

⁷⁴ Подробнее о работе с иностранными источниками см. [Кизеветтер 1909: 170—183].

⁷⁵ [Кизеветтер 1909: 224]; об этом Уставе см. [Там же: 209].

Поэтому в окончательный текст не вошли такие слова, как *гезель* [нем. *gezell*] [Смирнов 1910: 83] (меняется на *подмастерье*), *альдерман* (меняется на *старшина*), *цеховые права* (меняются на *права управы*)⁷⁶ и т. д. Таким образом, для Екатерины заимствование перестает быть самоцелью и иностранные источники занимают свое место в ряду других. Статей, целиком заимствованных из экстрактов и не имеющих аналогов в российской практике предшествующего периода, очень немного [Кизеветтер 1909: 170].

Павел I: неудачная попытка нового переименования

В двух предыдущих главах речь шла о том, что деятельность Петра I и Екатерины II, связанная с созданием городского законодательства, носила характер не только законотворчества, но и лингвистического эксперимента. При этом деятельность Петра сводилась к «нанесению имен», к попытке введения в российский обиход слов и понятий, актуальных для городской жизни Западной Европы. Екатерина же решала иную задачу, пытаясь соотнести заимствованные понятия (за имена Екатерина не особенно держалась) с реалиями российской жизни.

Павел I, предпринимая новую попытку реформы городской жизни⁷⁷, придерживался традиции, созданной его предшественниками, то есть активно менял имена. Поскольку городская реформа Павла продолжалась меньше года и ни на что не повлияла, нас интересует не ее содержательная сторона⁷⁸ (Павел уничтожил даже иллюзорное городское самоуправление, подчинив жизнь городов созданной им «Комиссии о снабжении резиденции припасами»), а сам факт новой серии переименований.

Первым действием Павла, касающимся организации городской жизни, стало учреждение в Санкт-Петербурге нового органа городского управления — Ратгауза [Rathaus]. Ратгауз состоял из назначаемого императором президента, директора экономии, которого назначала «Комиссия о снабжении резиденции припасами», шести бургермейстеров [Bürgermeister] и десяти ратсгеров [Ratsherr], которых выбирали горожане. Результаты выборов следовало направлять в «Комиссию

⁷⁶ Слово цех встречается в Городовом положении более 40 раз.

⁷⁷ О городских реформах Павла Первого см. [Скоробогатов 2004: 90—100].

⁷⁸ О сконструированной Павлом системе городского управления см. [Дитятин II: 115—131].

о снабжении резиденции припасами», которая *в помощь обществу назначает к отправлению сих должностей некоторое число гражданских чиновников, и об утверждении, в сих званиях как избранных от общества, так и определяемых от Короны, представляет Государю* (1798) [ПСЗРИ I: 25, № 18663, гл. 2, п. 1—5, 371]. А 4 сентября 1800 года последовал указ о подчинении ратхаузам магистратов:

Для лучшаго порядка в Суде и Расправе городских обывателей, повелеваем: всем Магистратам и Ратушам уездных городов Санктпетербургской и Московской Губерний быть под апелляциею Ратгаузов в Столицах учрежденных, и по примеру сему во всех городах Губернских, вместо Магистратов, выключая тех, кои состоят на особенных привилегиях, учредить Ратгаузы на том же основании, как в Столицах Наших, с тем, чтобы Магистраты и Ратуши уездных городов были под их апелляциею, а они состояли бы непосредственно под Сенатом [ПСЗРИ I: 26, № 19543, 284].

Обращает на себя внимание сосуществование в пределах одного указа слов *ратуша* (из польск. *Ratusz*) и *ратгауз* (из нем. *Rathaus*), которые, исторически соотносясь с одной и той же европейской реалией, здесь являются наименованиями разных учреждений⁷⁹.

Это положение действовало очень недолго. 2 апреля 1801 года Александр I подписал серию указов («О восстановлении жалованной дворянству грамоты», «О восстановлении Городового положения и жалованной грамоты городам», «О свободном отпуске российских произведений за границу», «Об уничтожении Тайной экспедиции»), отменявших принятые при Павле законы.

Первая попытка фиксации занятий горожан: цехи и гильдии

В современном русском языке профессиональная принадлежность является одной из существенных характеристик человека: дядя

⁷⁹ И. Дитятин [II: 123] полагал, что Павловская терминология заимствована из законодательства Ревеля и Риги. В связи с павловскими переименованиями, естественно, встает вопрос об источниках, на которые он ориентировался. Очевидно, что круг этих источников несильно отличался от екатерининского. Среди книг, которыми он пользовался, были сочинения У. Блэксона, «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера и т. д. [Скоробогатов 2005: 149]. Краткое описание состава библиотеки Павла см. [Ключков 1916: 587—588]. В рамках настоящей работы мы не имеем возможности остановиться на вопросе об источниках этих заимствований, так как павловское городское законодательство было быстро отменено и не оказало влияния на дальнейшее развитие событий.

Степа-милиционер, поэт Бездомный, администратор Варенуха и т. д. Характерно, что монтер Ваня из стихотворения Маяковского, меняя свое имя на французский манер, в соответствии со своими представлениями о французском языке меняет и имя своей профессии, превращаясь в «электротехника Жана»⁸⁰. Таким образом, сочетание личного имени и названия профессии оказывается своеобразным антропонимом.

Конечно же, род занятий вошел в число существенных характеристик человека не в последние сто лет. Дать точную хронологию этого процесса мы не можем, но не вызывает никаких сомнений, что в XVIII веке общественно значимая дифференциация занятых горожан строилась на основаниях, отличных от современных⁸¹. Актуальной характеристикой являлась социальная (сословная) принадлежность. При этом о профессии сообщается не в связи с характеристикой человека, а в связи с характеристикой того рода деятельности (промышлена, службы), которой этот человек себя посвятил:

Мне кажется, что гораздо больше должно уважать такую книгу, которая предлагает купцу, мореходцу, воину, садовнику, земледельцу и проч. основательнейшая правила, и лучший способ производить его знание или промысел, нежели сто других книг, в коих находится один только остав лишенный тела Философии, или сухая и со всем бесплодная ученость, или стихотворения безо вкуса и духа, состоящия в едином наборе пустых слов (1780) [Муратори I: 78].

Превращение профессии в устойчивую характеристику человека и составление номенклатуры профессий в значительной степени было обусловлено городскими законами. В «Обывательскую книгу», форма которой приведена в «Жалованной грамоте городам», записывали людей, проживающих в городе, состоящих в гильдиях, цехах или занимающихся мещанским промыслом:

⁸⁰ Он был монтером Ваней, / Но в духе парижан / Себе присвоил звание / Электротехник Жан.

⁸¹ При этом количество профессий, воспринимаемых как самостоятельные, постоянно растет. Человек, которого в XIX веке называли *крестьянином*, теперь называется *трактористом, комбайнером, механизатором* и т. д. Трудно себе представить, что в XIX веке при характеристике человека употреблялись такие наименования, как *косец* или *жнец*. Естественно, речь идет не о ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью (если человек занимается косить сено, то он может быть охарактеризован как *косец*). Однако трудно себе представить девушку, рассказывающую о свидании с *косцом Василием*, в то время как рассказ о *трактористе Василии* вполне возможен.

В городовой обывательской книге вписать имя и прозвание всякаго гражданина, в том городе дом или строение, или земли имеющаго, или в гильдии или в цех записаннаго, или мещанским промыслом про- мышляющаго [Российское законодательство V: 79].

Слово *промысел* в данном случае (как и вообще во всей «Жалованной грамоте») означает всякую деятельность, которую нельзя охарактеризовать как *торговля* или *ремесло* (например, содержание харчевен, цирюлен, портновская работа и т. д.). Войдя в число характеристик человека, которые необходимо привести при заполнении документа, названия профессий стали характеризовать человека и вне городского делопроизводства⁸². Хотя процесс этот растянулся, по всей видимости, на весь XIX век. При этом первым опытом классификации городских жителей по роду занятий следует считать разделение жителей города на цеха и гильдии. Остановимся подробнее на истории и реальном содержании этих понятий.

Цеховое устройство

Цитируя петровские и екатерининские городские законы, мы несколько раз упоминали про *цехи*. Вопрос о том, были ли в России цехи, не особенно ясен. С одной стороны, артель была обычной формой организации ремесленных объединений, с другой — деятельность артели не была регламентирована никакими государственными актами вплоть до петровских времен. «Регламент главного магистрата» предусматривал деление ремесленников на цехи по профессиональному принципу, при этом слово артель в этом документе не употреблено ни разу. Поскольку слово *цех* соотносится с западноевропейскими реалиями, оно не может и не должно восприниматься лишь как иное название традиционной артели. О том, каким образом цехи петровских указов соотносятся с реально существовавшими артелями, можно только гадать. При этом 13-я глава «Регламента главного магистрата» предписывала *разделение в гражданских нациях цехами определить* [Реформы Петра I: 203], то есть место горожанина в социуме должно было определяться тем, к какому цеху он принадлежит. В ежегодных рапортах, направляемых из городов в

⁸² Ответы на вопросы анкет входят в язык постоянно. Носителю русского языка без комментариев понятны такие слова и выражения, как БОМЖ (вариант ответа на вопрос о месте жительства), «пятый пункт», «не был, не состоял, не участвовал» и т. д.

находящийся в столице Главный магистрат, сообщалось число жителей с их различием по цехам промыслов и каждого ремесла и художества [Там же].

Более подробно деятельность цехов расписана в именном указе «О цехах»:

В цехи писать ремесленных всяких художеств и гражданских жителей (...) которые похотят вечно или временно, а в неволю не при нуждать, и из оных настоящих мастеров выбрать Алдерманов, то есть Старшин, которым всякому своего художества ремесленным людям иметь записныя книги. (...) И оных всех свидетельствовать всем цехом; и по свидетельству которые явятся достойны быть мастерами, тем давать письма, что им быть мастерами, и за ремесленными людьми смотреть, дабы всякой свое рукоделие делали добрыми мастерствы. И что когда от каждого мастерства сделано будет, как на продажу в ряды, так и в дома всяких чинов людям, то на оное прежде класть тому мастеру, кто что сделал, свое пятно, а потом приносить для свидетельства того мастерства к старшине, а старшине то сделанное, буде явится доброго мастерства, пятнать своим пятном (1722) [ПСЗРИ I: 6, 664; ср. № 3980].

Указ не просто запрещал продажу предметов без клейма старшины, но предписывал уничтожать все неклеймленные товары. При этом старшины отвечали за качество товаров, на которых стоит их клеймо. Ученики получали свидетельство об изучении мастерства лишь пробыв у мастера в обучении 7 лет и после освидетельствования. При этом согласно букве закона производить ремесленные изделия на продажу имели право только те, кто записан в цеха (см. [ПСЗРИ I: 6, № 4054, 746]).

Судя по всему, сконструированная Петром система не функционировала даже в столице. Когда в 1761 году для ремонта паркета в Зимнем дворце потребовались столяры, выяснилось, что *в цеху наличными ни одного не значится* [ПСЗРИ I: 15, № 11308, 767]. В этой связи последовал указ, вновь требующий организовать запись столяров в цехи:

В Главную полицеймейстерскую Канцелярию послать указ и велеть оной всех находящихся (...) мастеров, вольных и отпущеных с пашпортами господских людей, живущих у обывателей и своими дворами, кроме приходящих из городов на летнее время, кои работают по разным местам артельми, немедленно переписать по именам (1761) [ПСЗРИ I: 15, № 11308, 767—768].

Обращает на себя внимание то, что в этом указе встречается и слово *артель*, и слово *цех*. Причем *цех* уже не является переводом русского слова *артель*. *Артельями* указ называет перемещающиеся с места на место группы мастеровых, в то время как в *цехи* записывают людей, постоянно живущих в городе.

Екатерина II осознавала, что цехи в России приживаются плохо и в «Наказе» писала о цехах как об учреждении небесспорном [Чечулин 1907: 113]:

<p><i>400. О цеховых мастерствах и установлении цехов для мастерств по городам, еще состоит великий спор, лучше ли иметь цехи по городам, или без них быть, и что из сих положений более способствует рукоделиям и ремеслам.</i></p>	<p>Il y a encore de grandes disputes au sujet des corps métiers & des maîtrises d'artisans dans les villes, savoir, s'il vaut mieux qu'il y ait des maîtrises dans les Villes ou non? Et lequel des deux contribueroit d'avantage à la perfection de la main-d'œuvre & des métiers.</p>
<p><i>401. Но то бесспорно, что для заведения мастерства цехи полезны, а бываюят они вредны, когда число работающих определено, ибо сие самое препятствует размножению рукоделий.</i></p>	<p>Mais ce qu'il y a certain, c'est que les Communautés sont très utiles pour le bon ordre dans les métiers, & qu'elles ne deviennent nuisibles que lorsqu'elles limitent le nombre des ouvriers; puisque cela même empêche l'augmentation métiers.</p>

Однако «Жалованная грамота» сохраняет цеховое устройство:

В цехи или ремесленные управы написать всякого, кто в городе ремесло или рукоделие производить желает и кого по городовому положению в мещанское общество причесть можно [Российское законодательство V: 94—95].

В городах, имеющих соответствующие профессиональные объединения, не разрешалось заниматься ремеслами без записи в соответствующей управе:

Запрещается в городе, где которого ремесла управа учреждена, того ремесла работу производить тому, кто не записан в управе того ремесла или управного дозволения не имеет [Там же: 105].

При этом принадлежность к цеху не являлась пожизненной и цехи не имели замкнутой структуры:

Буде кто в городе, где которого ремесла управа учреждена, захочет производить то ремесло, то имеет о том объявить управе и представить свою работу управному старшине и старшинским товарищам; и им

призвать записных мастеров для свидетельства работы, и дать урок, и по тому, какова работа признана будет, так и дать управное дозволение производить работу. Управа же дневнаго пропитания работою никому запретить не может [Там же].

Цеховое законодательство, соотносимое с российскими реалиями, составил Павел I, выпустивший в 1799 году «Устав цехов»:

1. Мастерства, рукodelья, ремесла, служения и работы разделяются на столько родов, сколько существует различных к пропитанию оными способов. 2. В каждом таковом промысле, для усовершенствования онаго, управления им и соблюдения должного порядка, учреждается общество под названием цеха. 3. Цехи сии по свойству их упражнений разделяются на три рода: 1) по мастерству и рукodelию на ремесленные 2) на служебные⁸³ и 3) на рабочие цехи⁸⁴ (1799) [ПСЗРИ I: 25, № 19187, 864].

Для нашей темы «Устав цехов» имеет исключительное значение, поскольку в этот документ включены пространные перечни профессий, относящихся к различным типам цехов. Можно сказать, что «Устав цехов» стал своеобразным анкетным листом, по графам которого горожанин должен был себя идентифицировать.

В отличие от документов петровского времени, «Устав цехов» четко противопоставляет цехи и артели. Если *цехи* — это способ классификации и организации ремесленников, то *артель* — небольшая группа людей, добровольно объединившихся для выполнения какой-либо работы (гл. 14, пар. 1—5):

1. Несоразмерные силам одного человека служения и работы, производятся некоторым числом людей по добровольному их между собою согласию, и таковыя общества называются артелями. 2. Все артели одного цеха должны повиноваться общим того цеха правилам. 3. Вступающий в какую-либо артель, должен, по принадлежности промысла, состоять в цехе. 4. В каждой артели все друг за друга должны быть порукою, и за утраченное и поврежденное ответствовать. 5. Все артельщики работают и служат за учрежденную плату [ПСЗРИ I: 25, № 19187, 881].

Таким образом, слово *артель* сохранило свое старое значение ‘объединение ремесленников’, а слово *цех* стало использоваться для

⁸³ Прислуга, белошвейки и т. д.

⁸⁴ Т. е. те, «для отправления которых особых мастерских учреждать нет надобности или кои промысел свой на открытом воздухе отправляют».

классификации горожан по профессиональному признаку. По всей видимости, именно такое словоупотребление предопределило современное значение слова цех — ‘отделение фабрики или завода, занятое какой-либо частью производственного процесса’. Крупное предприятие делится на цеха точно так же, как, согласно «Уставу цехов», делилось по профессиональному принципу на цехи население городов. Это значение появилось уже в XX веке. В выпущенном в 1907 году Словаре иностранных слов статья *цех* выглядит так: 1) организация ремесленников, занимающихся одним и тем же ремеслом; 2) вообще замкнутая профессиональная группа, корпорация; 3) в средние века — промышленное братство, преследовавшее кроме профессионально-монопольных еще и религиозно-нравственные цели [Майданов, Рыбаков 1907: 981].

Гильдии: от рода занятий к объявленному капиталу

В «Регламенте главного магistrата» (1721) Петр I употребляет слово *гильдия* [Реформы Петра I: 192—193], точно так же, как и *цех*, для обозначения определенного типа профессиональных объяснений. Принадлежность к гильдии обозначала не уровень богатства, а род занятий. «Регламент главного магистрата» одни профессии относит к гильдиям, а другие — к цехам. Примерно в том же значении слово *гильдия* употребляется в изданной Елизаветой Петровной «Инструкции московского купечества старшинам и старостам с товарищи» (19 января 1742 г.) [ПСЗРИ I: 11, № 8504, 560—567]. И лишь Екатерина II принципиальным образом изменила критерий, на основании которого мещанин мог записаться в гильдию. Если Екатерининское законодательство противопоставляло мещанство и купечество, то теперь купцом мог быть любой человек, независимо от рода занятий, если он платил гильдийный сбор в сумме 1% от объявленного капитала. Именно величина объявленного капитала определяла принадлежность человека к определенному социуму (купечеству):

По городам всем тем мещанам, кои не имеют капитала выше 500 рублей, впредь не называться купцами, но переименовать их мещанами; купцов же, имевших капитала выше 500 рублей, и сделавшихся банкротами, также вписывать в мещане; кои же из мещан мелким торгом расторгуются, и капитал свой умножат свыше 500 рублей, тех вписывать в купечество. Купцов же, от 500 рублей и выше капитал имеющих, разделить (...) на три гильдии, и брать с них по

одному проценту с объявляемого ими по совести капитала погодно, а подушное с них не брать; мещане же да останутся при прежних податях (1775) [ПСЗРИ I: 20, № 14274, 86].

Более подробно гильдийное устройство было прописано в «Жалованной грамоте городам» (1785). Как и в цитированном выше документе, принадлежность к одной из трех гильдий определялась суммой объявленного капитала [Российское законодательство V: 81]. При этом принадлежность к той или другой гильдии определяла права купцов. Так, например, привилегией купцов первой гильдии была внешняя торговля:

Первой гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне империи торги⁸⁵, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом или подробно, на основании законов. Первой гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и морских всяких суда. Первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете парою. Первая гильдия освобождается от телесного наказания [Российское законодательство V: 92—93].

Аналогичным образом описывает «Жалованная грамота» и права двух других гильдий.

Особо интересным для нашей темы является тот факт, что принадлежность к гильдии лишала горожанина права осуществлять ряд государственных служб:

Записавшихся в гильдии не избирать к следующим казенным службам, где онья еще суть, а именно: 1. к продаже соли или вина, или иного чего, казне принадлежащаго; 2. к смотрению казне принадлежащаго; 3. в разныя должности, известныя под названием ларечных, целовальников, носильщиков, дрягилей, щетчиков и караульщиков казне принадлежащаго; 4. к приготовлению дворцового или казне принадлежащаго: а вместо того платить гильдиям вообще, по скольку указом предписано есть или будет [Российское законодательство V: 92].

Результатом того, что принадлежность к купечеству стала определяться имущественным цензом, стало постепенное обособление купечества в самостоятельную социальную группу, деятельность кото-

⁸⁵ Если в петровском «Регламенте главного магистрата» мы обнаруживаем словоупотребление *отправлять торги*, то в екатерининской «Жалованной грамоте городам» — *производить торги*.

рой характеризуется словом *торговля*, а не *промысел*. Если в XVII—XVIII вв. о купцах говорится, что они *промышляют* и *торгуют*, то в XIX в. купцы уже только *торгуют*. Конечно же, отдельные окказиональные употребления слов *промысел* и *промышлять* по отношению к деятельности купцов встречаются и в XIX в., но нормой, безусловно, являются слова *торговля*, *торговать*. К этим словам добавляется и вошедшее в русский язык в конце XVIII в. слово *коммерция* (франц. *commerce*):

Зиждутся храмы наук и общеполезных искусств, распространяется и процветает коммерция; ободряются рукоделия и промыслы, и, при повсеместном внутреннем устройстве и правосудии, при мужественном отражении внешних неприятелей, чада России, при осененныя Ангелом хранителем своим, спокойно наслаждаются и обилием внутренних плодов, и произведениями дружественных Держав, получамыми на избытки собственных (1800) [Панкевич 1800: 9].

Понятие ‘профессия’ и его лексические реализации во второй половине XVIII в.

Рассматривая семантическую историю слова *промысел*, мы начали с того, что проследили эволюцию этого слова от значения ‘мысль Бога или человека’ к значению ‘свободный труд на себя’. А поскольку группой населения, трудовая деятельность которой характеризуется словом *промысел* более, чем деятельность других групп, являлись горожане, нам пришлось остановиться на проблемах законодательной регламентации труда горожан. Вплоть до середины XVIII века слово *промысел* означало всякую деятельность, дающую средства к существованию. При этом для конкретизации вида деятельности использовались такие слова, как *ремесло*, *торговля*, *художество* и др. О том, что слово *промысел* отражает большую степень абстракции, чем эти слова, свидетельствуют сочетания *торговый промысел*, *ремесленный промысел* и т. д. (при отсутствии **промышленная торговля*, **промышленное ремесло*).

Как говорилось выше, в XVI—XVII вв. слово *промысел* имело достаточно абстрактную семантику и могло обозначать самые разные занятия. Обращает на себя внимание тот факт, что слова, конкретизирующие специфику занятий, находятся по отношению к слову *промысел* в зависимом положении, как правило, являясь атрибутами:

Выучить ему Фадею того моего сына ...серебряного мастерства, чего он Фадей сам умеет, а живучи тому моему сыну Анисиму в том учебном промыслу у кого Фадея быть во всем послушну (1684)⁸⁶;

И сим всем покой и пища и питие и всяк целебный промысел сотворяюще по приговору архимандрита Дионисия, мертвым же погребение сотворяюще (сер. XVII в.)⁸⁷;

И от того времени рудного медного дела промысл и плавление покинуто и промышлять перестали потому что медная руда вся вывелась (1671)⁸⁸.

Во всех приведенных примерах (число их можно множить и множить) слово *промысел* с его обобщенным значением ‘дело, занятие’ является главным. Слово, характеризующее специализацию труда, является зависимым. То есть для языка этого периода актуальным является указание на место конкретного занятия в общей типологии видов деятельности (служба, промысел, работа).

Как было показано в предыдущем разделе, начиная с середины XVIII века названия конкретных профессий начинают использоваться очень широко. Законы Екатерины, а в еще большей степени — Павла содержат пространные списки занятий, характеризующих трудовую деятельность горожан⁸⁹. Увеличение количества ситуаций, когда название профессии оказывалось основной характеристикой горожанина, привело к появлению новых конструкций:

Он промыслом носильщик: (Porte-faix.) все его имение состоит в большой корзине; днем разносит в ней по комиссии всякую всячину, а ночью спит, как в алькове, на городской площади, под колоннадою (1790) [Карамзин 1987: 279];

В каком-то городе два человека жили, // Которы промыслом купцами оба были (1782) [Хемницер 1886: 88].

⁸⁶ [Акты юридические]. Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.

⁸⁷ Книга о чудесех пр. Сергия Творение Симона Азарына. Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.

⁸⁸ [Дополнения к актам историческим VI]. Цит. по картотеке СЛРЯ XI—XVII вв.

⁸⁹ Приведем лишь один из перечней ремесленных цехов из павловского «Устава цехов»: каретной, живописной, часовой, золотошвейной, серебряной, бронзовой, медной, оловянной, жестяной, столярной, резной, липной, гипсовой, токарной, слесарной, кузнецкой, стульной, седельной, костяной, парасольной, скорняжной, шляпной, булавочной, пуговочной, бахромочной, перчаточной, портной, бошмачной, переплетной, оконничной, тележной, шорной [ПСЗРИ I: 25, № 19187, 865]. А в служебные цехи записываются штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, каменьщики, дрягили, крючники, купоры, мостильщики и землекопы, огородники,очные чистильщики и тому подобные [Там же].

Преобладание синтаксической конструкции с творительным падежом свидетельствует об изменении иерархии ценностей. Актуальным становится название специализации труда. При этом слово *промысел* становится аналогом французского *profession*.

Самым ранним примером такого рода из имеющихся в карточке Словаря XVIII века является цитата из Пятой сатиры Кантемира: *Целовальник промыслом, портнов сын с природы, // И в стряпчем он проводив даме млады годы* (1737) [Кантемир I: 111]. Промысел здесь означает актуальное занятие человека (профессиональное занятие), что противопоставляется его социальному происхождению. Это употребление особо интересно еще и потому, что, в отличие от *портного, целовальник* трудится не на себя, а на государство, то есть служит. Однако в данном контексте *целовальничья служба* оказывается *промыслом*, то есть способом заработать на жизнь.

Представление о важности определенного вида труда приводит к тому, что слова *ремесло, искусство, мастерство* теряют свои специфические значения и начинают употребляться в одинаковых контекстах, обозначая при этом общее понятие «профессия» так же, как и слово *промысел*:

Старшем именем Николай взял цирюльну и наследовал ему в мастерстве (Dans sa profession (1760 г.) [Лесаж II: 248];

Генваря 21 дня калмык Иван Васильев отдан в Москве для обучения портному мастерству [Анненков 1957: 703];

Поговаривают, что министерство наше вознамерилось к Порте отправить несколько тысяч книг о парикмахерском искусстве (1770) [Пустомеля: 49];

Швед, который был Лютеранским попом, переехал в Россию исповедывать там религию греческую и отправлять ремесло шпиона. Русским очень приятна была его ревность касательно первого пункта; но не понравилось им ремесло, за которое он взялся, и потому отправили его в Сибирь (1803) [Пельский II: 254];

Франклайн, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме Английского языка и бедного типографского ремесла — сей Франклайн через несколько лет сделался известен и почтен в двух частях света... (1791) (О иностранных книгах [МЖ 1791, 4: 335]).

Характерно, что во второй половине XVIII в. эти слова в значении ‘профессия’, ‘специализация’ начинают встречаться в конструкциях с творительным падежом (как и слово *промысел*):

Я здесь человек новой, и нет тому еще недели как сюда приехал из Алатора, тамошняго посаду, искусством маляр, от роду мне сорок два года, вдов, грамоте читать и писать не доволен (1769) [Поденьщина: 6—7];

Пожалуй обходись с ним как можно поучтивее, правда, хотя он ремеслом и парикмахер, но он француз, притом же и превеликий богач, имеющей тысячя до девяти в год доходу (1789) [Крылов II: 387];

У них *⟨лорда Гардиера и Г. Фокса⟩* только один совместник, некто Граам, ремеслом обойщик, без сомнения добрый человек, но худой Ритор в народном собрании (1802) [ВЕ 1802, 4: 229].

В связи с тем, что слова *искусство, мастерство, ремесло* во второй половине XVIII в. употребляются как синонимы слова *промышел*, остановимся на них несколько подробнее.

Ремесло (рукомесло)

Слово *ремесло* так же, как и *промышел*, связано с достаточно широким кругом занятий. Первоначально оно означало ручной труд, но позже ремеслом стали называть деятельность, необязательно связанную с ручным трудом и производством материальных объектов (ремесло врача, учителя и т. д.). В отличие от слова *промышел*, *ремесло* означало саму деятельность непосредственно, вне связи с результатом этой деятельности (добыча, средства к существованию, материальные блага). А *промышел* означал как саму деятельность, так и ее результат. Отсюда частотное сочетание слова *ремесло* с глаголом *промышлять*:

И живучи ему [плотнику] никаким бездельем не промышлять, и с воры ся не знати... и никаким безделым ремяслом не промышлять (1650) [АЮ: 327];

Мещанския подати, службы и тягости как личныя, так и вещественный всяк в городе, мещанским торгом, ремеслом или промыслом промышляющий, повинен нести наравне с мещанством, разве особою статью освобожден от оных [Российское законодательство V: 71].

В паре *ремесло* и *промышел* первое слово обозначает скорее саму деятельность, а второе — скорее материальный результат этой деятельности. Подобная дифференциация значений слов *ремесло* и *промышел* очень хорошо видна в пословицах: *По ремеслу и промыслу; У ремесла не без промысла; Что ни рукомесло, то и промысл; Ремесла не водит, а промысл держит; Не у ремесла вор, так у промысла.*

Такое противопоставление слов *промысел* и *ремесло* проявилось, в частности, в том, что слово *ремесло* во второй половине XVIII в. начинает употребляться при характеристике умений, которые не приносят материальной прибыли. Ремеслом может называться умение сражаться на шпагах: *Шпажной бой мое ремесло!* (1795) (Слуга двух господ [Левшин 1796: 131]), или же женское кокетство *Ты много имел рас положения к кокетству: \\ берегись, чтоб не постигла тебя обыкновенная сего ремесла участь! — А что за участь? — Состарелась вечно в девках* (1799) [Громов 1799: 63—64]. В связи с последним словоупотреблением будет уместным указать на то, что в отличие от не приносящего дохода кокетства, проституция в XVIII веке называлась *промыслом*, а не *ремеслом*. Два подобных словоупотребления мы обнаруживаем в «Адской почте», причем в первом случае речь идет о мошеннической схеме, когда женщина приводит мужчину домой, а затем неожиданно появляется «муж» и требует с него денег, а второй — об обычной проституции:

Ты бес и сам о материи их речей догадаться можешь; то только тебе скажу, что он олух при всем своем щегольстве, а она прехитрая женщина, живущая любовным промыслом (1769) [Адская почта: 62];

Иные говорили, что Злоумова, заставила так ругать некоторая женщина мужа своего оставившая и теперь любовным промыслом забавляющаяся, и которая сего бедняка крепко держит в своем покровительстве (1769) [Там же: 235].

Словоупотреблений, в которых слово *ремесло* обозначает любое занятие, требующее умения, но не приносящее дохода, можно найти очень много. *Ремеслом* может быть названо умение утешать:

В первые дни занят был преподаванием утешений госпоже Витулос о потере ея Мужа; но наконец ремесло утешителя мне становилось тягостно и для того ходил по временам выпить бутылку вина... (1803) [Пельский I: 215].

В «Ябеде» Капниста *ремеслом* названо говорение неправды:

И словом: дивное он знает ремесло Неправду мрачную, так чистить как стекло. Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться? (1798) [Капнист I: 291] и т. п.

Приведенные выше контексты свидетельствуют об отличии значений слов *ремесло* и *промысел*. Однако они могли выступать и в каче-

стве синонимов. Имеется немало контекстов, где *ремесло* означает то же, что и *промысел*, т. е. деятельность, которая кормит:

Повелевает его величество консулам, маргилиерам, главам посольства, или старостам, коллекторам, и ассессорам замечать по вся годы в книгах, в которых записываются пошлины, и указы для сечения дров всякому про себя, жители, которые прилежат к мореплаванию, назначивать всякого ремесло, которым кто питается, под штрафом 300 ливров за не брежение, которых половина возмется на Его величество, а другая отдается изветчиком (1715) [Устав о войсках: 172];

Вспомните о тех прошлозимных торговках и разных женщинах, коих ремесло состоит в читании на густом кофее судьбы вашей, в узнании по картам о предбудущем, а паче в сватовстве за вас женихов (1791) [Страхов 1791: 93—94].

Мастерство

Слово *мастерство* так же, как и слово *ремесло*, имело более узкое значение, чем слово *промысел*. Доказательством тому является сочетаемость его с глаголом *промышлять*: *А наперед сего не служивал ни у кого, а живал в Торицку и промышлял мастерством, шил платье* (1595) [Кабальные книги I: 140]. В паре со словом *промысел* слово *мастерство* ведет себя так же, как и слово *ремесло*, то есть если речь идет о деятельности, которая ведет к материальному вознаграждению, то употребляется слово *промысел*, а если речь идет о некотором абстрактном специализированном труде, то употребляется слово *мастерство*:

В короткое время неправедное его имение гораздо стало умаляться, а прибытку без воровского промыслу получить ему было не откуда, потому что он никакому мастерству, кроме мошенничества, обучен не был, а черную работу работать не имел привычки (1779) [Комаров 1779: 53].

Слово *мастерство* употребляется в тех же контекстах, что и слова *ремесло* и *искусство*. С одной стороны, оно означает деятельность, связанную со специализированным ручным трудом. Отсюда контексты, где слова мастерство и ремесло могут появиться с одинаковой вероятностью.

И мы будем им (ученикам корабельного дела) платить кормовыя и жалованья деньги по каждому мастерству по обыкновенным контрактам (1712) [Доклады и приговоры II: № 434, 317];

Какоеж Филозофия в том, что объявлено, имеет участие, надлежит сообщить некоторое изъяснение. Ибо может показаться невероятно, чтоб такия дела, которыя изрядно отправляются без Филозофов от ней зависили, особливоже что мастерства и фабрики не стоят и с однеми не умеющими грамоте, и к плавлению металлов способны и не дальняго учения люди (1750) [Крашенинников 1750: 70];

Сей Государь распорядил Граждан <...> по художествам (Arts) и мастерствам (Metiers) как то Золотарей, Плотников, Красильников, и других подобных Ремесленников (1761) [Роллений Римская I: 33].

С другой стороны, *мастерство* означает деятельность, связанную с определенным (часто художественным) умением, талантом. Это значение предопределяет возможность контекстуальной синонимии со словами *искусство* и *художество*.

А наипаче всех художеств научитися надобно иконописцам иконнаго мастерства, чтобы им всесовершенная мера знать всякаго возраста человеческаго и чин надлежащи (1724) [Посошков 1951: 144];

Сие все, говорю я, показывает, до какия степени совершенства вознес Египет Архитектуру, живописное искусство, истуканное мастерство (la sculpture) и все другие художества и науки (1749) [Роллений Древняя I: 57].

Искусство (художество)

В древнерусских текстах слово *искусство* не употребляется по отношению к конкретному делу. В известных нам контекстах XVI—XVII вв. отсутствуют употребления типа **ювелирное искусство* или **военное искусство*. В указанный период основными значениями этого слова являются ‘опыт’ и ‘умение, знание’ [СЛРЯ XI—XVII, 6: 266]. В начале XVIII в. из значения ‘умение, знание’ развивается значение ‘мастерство, профессиональный навык’. В этом значении слово *искусство* продолжает употребляться в течение всего XVIII в.:

На всех заводах, а особенно в Сибири, таковых работников женитца не допущать: а ежели женитца, то должно его и с женою выслать на прежнее ево жилище: ежелиж из таковых быв при заводах, обучится какому либо искусству, и промышленнику, или на государевых заводах весьма нужен будет, то должен онои не допущая показанного в отпускной сроку, заплатить помещику цену по указу, пятьдесят рублев... (1724) [ПСЗРИ I: 7, № 4533];

Я, именованный, общаюся всемогущему Богу пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен по чистой моей совести в должности, мне препорученной, колико силы и возможности есть, поступать справедливо и беспристрастно, как во всех делах, так и в тщательном старании о благоуспешном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и о согласии ремесленных, ответствуя за всякия упущения, злоупотребления или неисполнения ремесленного положения (1785) [Российское законодательство V: 97].

Поскольку в XVIII в. значительная часть профессиональных занятий была связана с ручным трудом, слово *искусство* также означало, в первую очередь, ручной труд. В результате образуется синонимический ряд *искусство, мастерство, рукоделие (ремесло)*:

Каждое искусство, мастерство, рукоделие есть в сем человекозданном мире особая система, действующая всем притчим к нашему благосостоянию и счастью. Внимание ко всему употребительному в искусствах и рукоделиях, к средствам для облегчения ежедневных трудов изобретенным, — ко всему, чем разные состояния в общежитии занимаются, обогатив ум понятий множеством, возбудит в нем естественную деятельность, которою восходя до источников каждой вещи, каждого действия, постигнет он множество и вещей, и действий, и самых мнений — истинных — весьма наставительные причины (1800) [Панкевич 1800: 48].

Иногда в этот ряд включается слово *промышлен*:

Если промышел, рукоделие, искусство или упражнение какого бы то рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее бы число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств, то то искусство, рукоделие или упражнение, или что бы то ни было, предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает (1811) [Радищев II: 21].

Однако в XVIII в. слово *искусство* обозначало не только умение делать что-либо руками. Уже в первой половине XVIII в. появляются контексты, устанавливающие связь слова *искусство* с тем, что в дальнейшем определяется как научная деятельность: *Уже и свободные учения полагают себе основания, идеше надежды имеяху, уже арифметическая, геометрическая и прочия философских искусства уже книги политическая, уже обой архитектуры хитrostи умножаются* (1716) [Феофон Прокопович I: 111]. Приведенная цитата из «Слова похвального в день рождения Великого Князя Петра Петрови-

ча» является одним из ранних примеров, где слово *искусство* обозначает явление, относящееся к ментальному плану. Любопытно, что в начале XVII века латинское выражение *artes liberales* переводилось на русский язык как *свободные мудрости*⁹⁰. А в созданном между 1672 и 1674 годами трактате Николая Спафария «Книга избраная вкратце о девяти мусах и о седмых свободных художествах» [Спафарий 1978: 15] в значении *ars* используется слово *художество*. Поскольку в XVIII веке слово *искусство* активно вытесняло слово *художество*, *artes liberales* стало переводиться как *свободные искусства*. Именно этот вариант перевода закрепился в русском литературном языке нового времени⁹¹. В современном русском языке часть дисциплин, относящихся к *artes liberales*, называют наукой (астрономия, геометрия, грамматика, арифметика, диалектика, риторика), а словом *искусство* обозначается лишь музыка. В текстах же XVIII века искусством называли все научные дисциплины. Например, М. В. Ломоносов использует слово *искусство*, когда говорит о химии:

Не ясно ли из сего понимаете, что изъискание причины разных вкусов и запахов не иначе с желаемым успехом предпринять можно, как по следуя указанию предьидущия Химии, и применяясь по ея искусству, угадывать в тонких сосудах органических тел закрытыя, и только вкушению и обонянию чувствительные перемены (1751) [Ломоносов I: 247].

В «Жалованной грамоте городам» слово *искусство* употребляется и по отношению к ученым, и по отношению к художникам. Согласно этому документу, к именитым гражданам относятся

2. Ученые, кои академические или университетские атестаты, или письменные свидетельства о своем знании, или искусстве предъявить могут и таковыми по испытаниям российских главных училищ признаны. 3. Художники трех художеств, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены академические или удостоения академический о своем звании или искусстве имеют и таковыми по испытаниям российских главных училищ признаны [Российское законодательство V: 82—82].

⁹⁰ См. например «Сказание о семи свободных мудростях» [Спафарий 1978: 141—153].

⁹¹ Если в древнерусских текстах занятия врача характеризовались как *художество* (ср: *Врачебного ради художества* (Хроника Георгия Амартола; цит. по [Срезневский III: 1415])), то в XVIII веке в аналогичных контекстах стало употребляться слово *искусство*: *Даже и самое Врачебное искусство действительными снабдилось лекарствами, хотя безсмертия не обещающими* [Политковский 1796: 16].

Следующей вехой развития значения слова *искусство* стало использование этого слова в качестве специального названия художественного творчества. Любопытно, что в «Вестнике Европы» за 1803 год слово *искусство* в значении ‘умение’ пишется со строчной буквы, а в значении ‘художественное творчество’ — с прописной. В последующие годы это противопоставление исчезает. В результате *искусство* и *наука* перестают быть синонимами, а в определенных контекстах превращаются в антонимы. Противопоставление науки и искусства становится словесным выражением противопоставления точного знания и художественного творчества: *Философия и науки действуют только на разум, чувственные искусства на одно сердце, а Поэзия — на всю душу* (1792) [Московский журнал 1792, 8: 129].

Таким образом, слово *искусство* все дальше отходит от всего, что связано с *промышленом*. И социальный статус человека, профессионально занимающегося искусством, меняется. *Искусство* постепенно приобретает статус самостоятельного занятия, не являющегося ни разновидностью ремесла (промышлена), ни видом научных занятий. Теперь видами искусства становятся живопись, литература, музыка: *Аделаида имела способность ко всем искусствам: лучшие музыканты, танцмейстеры, живописцы давали ей уроки. Новые приятности, которыми она всякой день украшалась; скорые успехи ея во всех искусствах и знаниях, восхищали бедного Молвилля* (Аделаида и Молвиль [Пантеон III: 184—185]). Хотя, конечно же, слово *искусство* продолжало употребляться в значении ‘умение, мастерство’ еще очень долго. Судя по электронной версии журнала «Вестник Европы» за 1825 год, слово *искусство* в значении ‘мастерство, умение’ встречается намного чаще, чем в значении ‘художественное творчество’. Однако с течением времени количество таких словоупотреблений постепенно сокращается.

Промысел и промышленность

Важной вехой в истории слова промысел стало и появившееся в самом конце XVIII в. слово *промышленность*. Историей этого слова занимались В. В. Виноградов [1994: 574—575] и Ю. С. Сорокин [1965: 335—341], поэтому мы лишь кратко остановимся на этом сюжете. Считается, что впервые это слово ввел Н. М. Карамзин в 1791 году в журнальной публикации «Писем русского путешественника», соотнеся *промышленность* с латинским *industria* и французским *industrie*: *Не может ли сие слово означать латинского *industria* или француз-*

ского *industrie*?⁹² По всей видимости, это словоупотребление прижилось, поскольку в следующем издании «Писем» Карамзин счел необходимым указать на то, что именно он ввел это слово в употребление: *На всякой улице множество лавок, наполненных товарами. Везде знаки трудолюбия, промышленности {Это слово сделалось ныне обыкновенным: автор употребил его первый.}, изобилия* [Карамзин 1987: 86]. Во всех известных нам употреблениях Карамзиным слова промышленность оно означает ‘занятия промыслом’:

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобности жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях... [Там же: 93—94];

Пусть цветет маленькая область их под тенью Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбия, искусства и промышленности! [Там же: 188].

В таком значении слово *промышленность* зафиксировано в Словаре Академии Российской: *Способ или род промысла, в чем кто упражняется, особенно занимается*⁹³.

Говоря о том, что слово *промышленность* соотносится с французским *industrie*, следует иметь в виду, что в XVIII веке слово *industrie* обозначало ‘прилежание, рачение, трудолюбие’⁹⁴. В 20-е годы XIX века в российском обществе пробуждается интерес к экономическим вопросам, в результате чего на русском языке появляется значительное число переводных текстов по экономической проблематике. При этом при переводе франц. *industrie*, как правило, используется слово *промышленность*. А поскольку слово *industrie* начинает «все теснее связываться с понятием о деятельности, направленной на переработку сырья» [Сорокин 1965: 337], значение слова *промышленность* эволюционирует в этом направлении⁹⁵.

Промышленное предприятие в современном смысле этого слова предполагает коллективную деятельность, поэтому промышленность начинает ассоциироваться именно с крупным машинным производ-

⁹² Цит. по [Сорокин 1965: 335].

⁹³ То же.

⁹⁴ [Франко-русский словарь 1786]. Цит. по [Сорокин 1965: 336].

⁹⁵ Характерно, что многие энциклопедические издания (словарь Брокгауза-Эфрон, Большая советская энциклопедия 2-е изд. и т. д.) в статье «Промышленность» указывают на то, что в том же значении употребляется слово *индустрия*.

ством. В результате слово *промысел* (и *промышленник* в значении ‘человек, занимающийся промыслом’) отделяется от слова *промышленность* (и *промышленник* в значении ‘владелец промышленного производства’). Старое значение сохраняется, однако отодвигается на периферию, хотя выражения *народные промыслы, кустарные промыслы, промышленник* (‘охотник’) продолжают употребляться.

История слова *промышленник* так же, как и история слова *служба*, была связана с историей сословного общества. По мере того, как в результате общественной модернизации сословные перегородки становились все более проницаемыми, противопоставление видов деятельности, связанных с принадлежностью к тому или иному сословию, начинает нейтрализоваться. И одновременно с этим увеличивается значение профессий. В конце XIX века владеющий заводом дворянин вполне мог называться промышленником, точно так же, как и купец, дед которого был крепостным крестьянином.

РАБОТА

Слово *работа* первоначально означало ‘рабство’ и ‘рабский труд’. Поскольку противопоставление рабства и свободы является одной из важнейших антиномии христианской литературы, слово *работа* в значении ‘рабство’ вошло в огромное количество культурно значимых контекстов. В середине XVIII века слово *работа* в значении ‘рабство’ становится малоупотребительным, сохраняясь исключительно в поэтических текстах и проповеди. Теперь наиболее часто встречающиеся контексты, содержащие это слово, касаются труда крепостного крестьянина. В этих случаях можно говорить о частичной актуализации старого значения ‘рабство’.

Другим распространенным значением, встречающимся в древнерусских текстах (как правило, нецерковного содержания), является значение ‘труд, обеспечивающий физическое существование человека’. Словом *работа* называлось ведение домашнего хозяйства, строительство жилища и т. д. Именно с употреблением слова *работа* в контекстах, связанных с трудом вне социальных отношений, связано появление в XVIII в. употреблений этого слова по отношению к личным (не общественным) занятиям дворянина — от садоводства до занятия философией. Начиная с последней четверти XIX века история слова *работа* начинает определяться контекстами, связанными с ‘рабочим вопросом’.

Работа как рабский или несвободный труд

После анализа слов *служба* и *промышел* кратко остановимся на семантической истории слова *работа*. В старославянских текстах⁹⁶

⁹⁶ [ССЯ III: 539—540].

слово *работа* употребляется в соответствии с греческими словами *δουλεία* ('рабство') и *διακονία* ('служение'). Оба этих значения широко представлены и в более поздние периоды.

В церковной письменности в большинстве случаев *работка* означает 'рабство, несвобода'. Именно частотностью этого значения объясняется обилие негативных определений, встречающихся при слове *работка* (*горькая работа*, *черная работа*, *работка поганьская*, *работка вражия*, *лотая работа*, *тяжкая работа*, *работы басурманских*⁹⁷ и т. п.). Причем многие из этих определений имеют характер устойчивых и повторяются из текста в текст. Такие слово-употребления, несомненно, поддерживались контекстами, в которых *работка* противопоставлялась *свободе*. При этом характерным риторическим приемом оказывалось противопоставление работы вражией (то есть рабства врагу рода человеческого) и Христовой свободы: *Крещение есть... ключь царства небеснаго, жизнни пременение, работы свобождение, оузь разрешение* (1656 г.)⁹⁸. Под влиянием церковной письменности такие словоупотребления попадают и в светскую литературу: *Кая польза человеку возлюбити... паче свободи горькую работу* (вт. четв. XVII в.)⁹⁹. В XVIII веке *работка* в значении 'рабство' встречается значительно реже (судя по картотеке словаря XVIII века), ему на смену приходит слово *рабство*.

Можно сказать, что к середине XVIII века в светских контекстах слово *работка* в значении 'рабство' встречается лишь в поэтических текстах, где оно присутствует как маркированный славянизм:

Смятение и страх, оковы, глад и раны, // Что наложили им в работе их тираны, // Препятствовали им подземну хлябь крепить, // Чтоб тягота над ней могла недвижна быть (1752) [Ломоносов 1986: 240];

Бывши сокровищны толь, и толь финикиане мощны, // Не возмогли понесть терпеливо иго работы: // Мы возвратили себе свободу и Вольность (1766)¹⁰⁰.

⁹⁷ Цит. по [СЛРЯ XI—XVII].

⁹⁸ Скрижалъ. Цит. по [СЛРЯ XI—XVII].

⁹⁹ Повесть о прихожении литовского короля Степана на великий и славный град Псков вт. четв. XVII в. Цит. по [СЛРЯ XI—XVII].

¹⁰⁰ [Тредиаковский I: 40]. В культуре XVII в. вольность занимает более высокую ступень на иерархической лестнице, чем свобода. Об этом, в частности, свидетельствует правописание второго слова через прописную букву.

Единственным жанром литературы XVIII века, сохранявшим оппозицию *работа* ↔ *свобода*, была проповедь¹⁰¹. В гомилетических текстах это противопоставление продолжало сохраняться на протяжении всего столетия:

Истинного Бога, изведшаго их из работы Египетских (...) *имже благодать и истина дадеся. Христос Господь иже прииде в мир сей спасительною своею страстию от работы вражия избавити род человеческий* (1721) [Гавриил Бужинский 1721: 6];

Отечество наше от толиких бед, от хищения, работы, крови и крайнего своего падения особождено есть (1717) [Феофан Прокопович II: 246];

Человек первую добруту погубил, сам в работу диаволю самовольно отдася, вечно превечнаго своего создателя огорчил (1742) [Димитрий Сеченов 1742: 5].

Близким к значению ‘рабство’ является значение ‘труд по принуждению’. Эти значения настолько близки, что едва ли имеет смысл считать их самостоятельными. Значение ‘принудительный труд’ актуализируется, прежде всего, при употреблении слова *работа* для обозначения трудовой деятельности заключенных:

В прочем взяты здесь под караул некоторые люди, на которых подозрение имеют что они спионы, и того ради приговорены они к крепостной работе (1735)¹⁰²;

Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе (1790) [Щербатов-Радищев 1985: 173];

В пятый день объявили нам, что мы заслуживаем смертную казнь; но что, поелику такие злодеи, каковы мы, недостойны осквернить землю своею кровию, то заблагоразсудили послать нас на девяносто девять лет в Сибирские степи, дабы, исключенные из общества, которое мы оскорбили деяниями и которое развратили бы правилами нашими, мы сделали ему некоторый род удовлетворения чрез работу нашу в рудокопнях, на которая мы были осуждены на всю нашу жизнь (1803) [Пельский II: 250].

¹⁰¹ Эту оппозицию также сохраняли лубочные тексты, где работа в значении ‘рабство’ встречается еще в конце XVIII — нач. XIX в.: *Пиянство князем пусту землю сотворяет и людей до работы доводит* [Ровинский I: 328]; *Злое питие в свары и тяжбы жены от мужей своих отлучает, детей работы доводит* [Ровинский I: 328].

¹⁰² Санкт-Петербургские ведомости, 1735. 56. Цит. по картотеке СЛРЯ XVIII в.

На эти словоупотребления следует обратить внимание потому, что они в большом количестве обнаруживаются в текстах и в XIX веке, и сегодня: *Новые правила взаимного поведения должны основываться на новых обычаях, порожденных введением нагана в гражданский обиход, а также на новой правоприменительной практике, позволяющей обороняться без риска попасть за это в каторжные работы*¹⁰³. Любопытно, что в современной церковнославянской письменности в контекстах, связанных с трудом заключенных, начинается процесс сближения слов *труд* и *работа*, объясняемый близостью значений этих слов в современном русском языке. В появившейся в начале XXI века «Службе общей мученику XX века (новомуученику) единому»¹⁰⁴ в значении ‘принудительный труд заключенных’ дважды употреблено слово *работа* и один раз *труд*:

Глад, гонения велия, лишения различная, / скорби многия, тесноту
и во узах горькия работы / мужественне претерпел еси от ненавидя-
щих Господа, страдальче (имярек) (Седален глас 3);

Ни гонение лютое, ни узы темничныя,/ ни работы горькия, ни
скорбь, ни теснота/ возмогоша тя отлучити от любве Божия, му-
чениче,/ обаче, Христом укрепляемъ, вся препобедил еси (Канон
песнь 5);

Киими достойными песньми/ воспоех новомуученика Христова
(имярек)?/ Иже, заповеди Господни исполнив,/ узы темничныя, труды
горькия и изгнания претерпел еси/ и даже до смерти Христу верным
пребыл еси (Стихира на Господи возввах).

Работа как труд, обеспечивающий физическое существование человека

Если слова *служба* и *промысел* указывают на место конкретного вида трудовой деятельности в системе ценностей социума, то слово *работа* регулярно появляется в тех случаях, когда речь идет о видах труда, лежащих вне сферы общественного интереса. Речь идет о той части человеческой деятельности, которая относится не к миру (социуму), а к дому, то есть домашней работе, обеспечивающей, в первую очередь, физиологические потребности человека и его семьи:

¹⁰³ Максим Соколов. Aux armes, citoyens! // Известия. 2003.01.22. Цит. по Национальному корпусу русского языка.

¹⁰⁴ Служба цитируется по интернет-версии журнала: Московские епархиальные ведомости. 2007. № 1—2.

Жидове в суботу и в иныя их праздники ни плотских работ не творят, рекше ни ядят, ни пиют, ни варят, ничто же иного не творят (XVI в) [СЛРЯ XI—XVII, 21: 106].

Характерно, что в число домашних (плотских) работ входит приготовление пищи. В число домашних работ входили также уборка дома, заготовка дров, уход за скотом, изготовление и стирка одежды и т. д.¹⁰⁵:

Работала я, сирота, на тягловомъ жеребы на ослиннике после мужа своего с ребятишки полтретья года на всякой домовой работе и всяким прожиткомъ оскудала¹⁰⁶.

Таким образом, слово *работа* употребляется в тех случаях, когда речь идет или о принудительном труде, или об удовлетворении простейших нужд, связанных с физическим существованием человека (еда, одежда, жилище). Приготовление еды, ремонт одежды, уборка жилища относятся к тем видам деятельности, без которых человек не может существовать. Однако социум подобные виды деятельности не контролирует¹⁰⁷.

Граница приватной и общественной жизни условна и исторически изменчива. К тому же частные занятия разных групп населения заметно отличались друг от друга (для крестьянки к этой сфере относился, например, ремонт одежды, для чиновника — ведение лич-

¹⁰⁵ В русском языке XX века соотношение домашней работы и рабства становится материалом для словесной игры (домашнее рабство). Показательным в этом отношении является созданный в 1931 году плакат Г. М. Шегала «Долой кухонное рабство! Даешь новый быт!».

¹⁰⁶ Сарайская и Крутицкая епархия. Вып. 3. ЧОИДР. 1902. Кн. 4. 1662—1713 (Цит. по картотеке СЛРЯ XVIII).

¹⁰⁷ Попытки общественного контроля в таких сферах жизни, как уборка дома, кормление младенцев и т. д., вызывали полнейшее неприятие. Характерным в этом отношении является негативная реакция общества на попытки А. А. Аракчеева создать для своих крепостных регламенты, нормирующие не только домашние работы, но и грудное вскармливание младенцев (им были составлены «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины»). Несмотря на то, что большая часть помещенной в этих регламентах предписаний вполне разумна, сам факт подчинения общественному контролю той части жизни, которая принадлежала к личной сфере, казался недопустимым [Томсинов 2003: 228—231]. При этом для культуры Нового времени сфера домашней жизни оказывается куда более открытой для общественного воздействия, о чем свидетельствует, в частности, существование специальных наград для многодетных матерей. Таким образом, сугубо личная сфера жизни (деторождение) оказывается чуть ли не одной из разновидностей службы, за которую можно удостоиться государственной награды.

ной переписки¹⁰⁸). При этом употребление слова *работа* для обозначения личных занятий (занятий, на которые не распространяется общественная регламентация) вело к тому, что этим словом в Новое время начинают называть любую деятельность, относящуюся к частной жизни человека и не связанную с получением дохода. При этом характер занятий может быть любым — от ручного труда до писания романа. В «Недоросле» Фонвизина занятие вяжущей кошелек Простаковой характеризуется ремаркой «*работает*»:

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть. (...)

Цыфиркин. Ваше благородие завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая). Ах, господи боже мой! Уж ребенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался! (1781) [Фонвизин I: 143].

В переводе мольеровского «Мизантропа» *работой* названо занятие философией:

Все эти человеческие пороки заставляют нас во весь наш век упражняться в философии. Она есть лучшая работа для добродетельного человека (1788) [Мизантроп 1788: 104].

А в предисловии П. И. Макарова к переводу романа Ж. де Мемье «Граф Сент-Меран» говорится о *работе разума*:

Утомленные мысли ищут успокоения; привыкший к работе разум не может оставаться в совершенном бездействии, человек хватается за роман (1795) [Мемье 1795: X].

В XVIII веке слово *работа* означало не только личные занятия, но и социально непрестижные виды деятельности. В этих случаях *работка* противопоставляется не *свободе*, а *службе*. То есть престижный труд *служба* противопоставлялся *работе* как труду непрестижному. Противопоставление *службы* (социально значимого труда) и *работы* (труда «второго сорта», хозяйственной деятельности, уборки и т. д.) четко прослеживается в военных уставах, где для описания действий солдат и матросов в военной ситуации или учениях используется слово *служба*, а если речь идет о хозяйственной деятельности — *работка*:

¹⁰⁸ На вопрос «где барин?» следовал ответ «барин работает» в случае, если он что-то писал в своем кабинете, и «барин на службе», если речь шла о его общественной деятельности.

Занятие матросов — работа, т. е. дела на корабле. Также и гардемарины после учебы занимаются вспомогательными работами в арсеналах (1715) [Устав о войсках: 240].

Крестьянский труд

Следует отметить, что для обозначения труда крестьян слова *работа* и *работать* употреблялись далеко не всегда. Куда более универсальным словом, описывающим крестьянский труд, был глагол *пахать*. Характерным в этом отношении является отрывок из статьи 946 года Повести временных лет. По версии Летописца Переяславля Сузdalского здесь читается: *Олъга... посла к граду глаголя... вси люди яшасъ по дань, пають нивы своя и земли, а вы хощете гладом измрети.* В Лаврентьевской летописи вместо *пають* читается *делают* [СЛРЯ XI—XVII, 14: 175]. Использование глагола *пахати* для обозначения вообще крестьянского труда является вполне регулярным: *И вы б, все крестьяне, которые в тех деревнях живут... паиню на них пахали и оброк им платили* (1564) [Там же]. Более или менее регулярное употребление слова *работа* для обозначения крестьянского труда началось лишь в конце XVII в. А во второй половине XVIII в. в связи с установлением крепостного права и первыми попытками осмыслиения этого явления актуализируется тема несвободного труда (рабства). Теперь слово *работа* начинает регулярно употребляться в случаях, когда речь идет о крестьянском труде на помещика.

Для достижения своея цели, он отнял у них малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденныя работы, которыя они от крестьян требуют (1790) [Щербатов-Радищев 1985: 240];

Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит (1790) [Там же: 116].

И хотя в текстах XVIII и последующих веков слово *работа* в значении ‘рабство’ употреблялось редко, это значение поддерживалось в сознании носителей языка благодаря церковнославянским контекстам и устойчивым выражениям типа *каторжные работы*. Теперь глагол *работать* регулярно употребляется в тех контекстах, в которых в предшествующие эпохи употреблялся глагол *пахать*:

Георгики, или земледельняя. Сие содержит правила, каким образом землю работать, и разводить огороды, древа, овощи, и ульи¹⁰⁹;

Из земледельцев, скучных обывателей многие, по неимению у себя чем хлеба работать, отходят в другие места [МЗК XIV: 16].

Возникшая в первой половине XVIII века частичная синонимия слов *пахать* и *работать* сохраняется и в современном русском языке. Слово *пахать* в значении ‘много и тяжело работать’ вполне может употребляться в иронических контекстах (*я весь день пахал в офисе*).

В русском языковом сознании слово *лошадь* настолько устойчиво связывалось с работой, что русский путешественник, оказавшийся в конце XVII века на Мальте, отметив, что там почти нет лошадей, счел необходимым указать на то, что для работы здесь используют других животных: *Лошадей на Мальтийском острову мало, а добрых лошадей и нет, работают и возят на мулах и на лошадках* (1697—1699)¹¹⁰. При этом представление о тяжелой работе связывается именно с лошадью, а не с конем: *Верховый гордый конь, // увидя клячу в поле // В работе под сохой //... С пренебрежением на клячу посмотрел* (1779) [Хемницер 1963: 81]. Другим животным, ассоциирующимся с тяжелым трудом, является *вол* (на волах пахали в южных губерниях и многих южных странах, поэтому пашущие волы фигурируют в ряде переводных текстов): *Был некогда вол в велицей работе труждаяся* (1712)¹¹¹.

В связи с контекстуальной синонимией глаголов *работать* и *пахать* следует обратить внимание на фразеологизмы, где трудовая деятельность человека сравнивается с работой лошади или вола. О человеке, который много и тяжело работает, говорят, что он *работает (пашет) как лошадь (вол)*. При этом выражение работает как лошадь (вол) может характеризовать как труд начальника, так и труд подчиненного, в то время как *рабочей лошадкой* называют лишь того, кто в процессе труда не проявляет самостоятельности. Так может быть назван и безотказный работник, и неодушевленный предмет (инструмент, автомобиль). Устойчивая связь *лошади* (к коню это не относится) с представлением о тяжелой работе породила фразеологизм «пусть лошадь работает», предполагающий, что тяжелый труд — занятие человека недостойное. Этот фразеологизм послужил моделью для выражений «пусть машина работает — она железная» и пусть «лошадь думает — у нее голова большая».

¹⁰⁹ Кантемир. О множестве миров (Фонт.), X (цит. по Картотеке СЛРЯ XVIII в.).

¹¹⁰ Путешествие Толстого (1888: II), 134 (цит. по Картотеке СЛРЯ XVIII в.).

¹¹¹ [Зрелице 1712: 11] (цит. по Картотеке СЛРЯ XVIII в.).

В конце XVIII века появляются переведенные с европейских языков тексты, описывающие крестьянский труд как занятие не менее престижное, чем другие виды деятельности:

На конец, если когда кто либо достоин управляем быть с тихостию и снаровкою, так это поселянин, не можно отрещися, чтоб не должныствовали во первых уважением крестьянам вообще, коих работы составляют наивеличайшее Государственное сокровище; ибо таким то образом надлежит именовать земледелие (1780) [МураториI: 268].

Подобные словоупотребления вели к постепенной утрате негативного значения слова *работа*. Оно утрачивало связь со словом *рабство* и становилось синонимом слова *труд*. О том, что уже в первой половине XIX века слова *работа* и *рабство* не воспринимались как родственные, свидетельствует употребление этих слов у Пушкина. Судя по словарю языка Пушкина, слово *рабство* входит в контекст европейской культуры. Многочисленные примеры использования слова *рабство* по отношению к России следуют интерпретировать как сравнение положения российских крестьян с римскими рабами. Никаких попыток соотнести слова *рабство* и *работа* нам обнаружить не удалось¹¹².

Следующий этап истории слова *работа* приходится на последнюю четверть XIX — начало XX века, когда в результате промышленной революции в России появляется пролетариат. Положению пролетариата и его значению в социальной истории России была посвящена огромная литература, в результате чего слова *работа* и *рабочий*, попадают в контекст полемики по рабочему вопросу. А поскольку эта литература являлась русским аналогом европейской литературной традиции, то слова *работа* и *рабочий* оказались в совершенно новом контексте. Так, например, А. М. Селищев указывал в свое время на то, что выражение *организованный и сознательный рабочий* является калькой французского *ouvrir organisé et conscient* [Селищев 2003: 29]. В системе ценностей советского времени именно слово *работа* использовалось для характеристики наиболее престижных видов трудовой деятельности. *Служба* считалась занятием менее престижным, чем *работа*.

¹¹² Исключением является встречающееся у Пушкина устойчивое выражение *каторжные работы*.

Литература

- ААЭ I — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.
- Адская почта — Адская почта или переписки хромоногаго беса с кри-
вым. Ежемесячное издание. 1769 г. Месяц июль.
- АИ II — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841.
- Акты Астраханской воеводской избы — Акты Астраханской воеводской избы XVII в. СПб. ФИРИ РАН, ф. 178.
- Акты Лодомской церкви — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. Кн. 3 // РИБ. Т. 25. Приложение. СПб., 1908.
- Акты подмосковных ополчений — Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. / Собрал и ред. С. Б. Веселовский. — Смутное время Московского государства. Вып. 5 // Чт. ОИДР. 1911. Кн. 4, отд. 1.
- Акты юридические — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- Анненков 1957 — Журнал курсового помещика... Ивана Петрова сына Анненкова с 1745 // Материалы по истории СССР. Т. 5. М., 1957. С. 678—823.
- Архив Строева I — Архив П. М. Строева. Т. 1 // РИБ. Т. 32. Пг., 1915.
- Архив Куракина I—Х — Архив князя Ф. А. Куракина [1661—1727] / Изд. под ред. М. И. Семевского. Кн. I—Х. СПб., 1890—1902.
- АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- БЛДР 9 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб., 2000.
- Варадинов 1861 — Н. Варадинов. Гильдии: историко-юридический очерк СПб., 1861. С. 84—89.
- ВЕ — Вестник Европы. М., 1802—1830.
- Веселитский 1972 — В. В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — нач. XIX вв. М., 1972.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Вольтер 1769 — *{Вольтер}*. Кандид или оптимизм, то есть наилучший свет. Переведен с французского (Семеном Башиловым). СПб., 1769.
- Гавриил Бужинский 1721 — Слово о взятии Нотенбурха... Проповедася оберманахом Гавриилом (Бужинским). СПб., 1721
- Гильфердинг I—III — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. 1—3. Л., 1938—1940.

- Гриц и др. 2001 — Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.
- Громов 1799 — Г. И. Громов. Календарь на 1799 г. старого цыгана, ворожеи, угадчика. СПб., 1799.
- Даль 1957 — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Дело Салникеева — И. Ч. Дело Салникеева // Чтения ОДИР. 1868. Кн. 3, разд. V. С. 1—125.
- Дидро I—Х — Дени Дидро. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1935—1947.
- Димитрий Сеченов 1742 — Слово в день Благовещения Пресвятая Богородицы... проповеданное... Дмитрием Сеченовым. СПб., 1742.
- Дитятин I—II — И. Дитятин. Устройство и управление городов России. Т. 1. Введение. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877.
- Дмитриев 1967 — И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений / Под ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1967.
- Дмитриевский 2004 — А. А. Дмитриевский. Исправление богослужебных книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004.
- Доклады и приговоры I—VI — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою Академиею Наук. Т. 1—6. СПб., 1880—1901.
- Дополнения к актам историческим VI — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1851.
- Ежемесяч. соч. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755—1764
- Живов, Успенский 1987 — В. М. Живов, Б. А. Успенский. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации власти монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47—153.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Знаменский 2003 — П. В. Знаменский. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. СПб., 2003.
- Зрелище 1712 — Зрелища жития человеческого различных животных притчами, и старожитных людей примерами, всякому добрых нравов в научение, предоставлено. М., 1712. (ГПБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 373 (126).)
- Изборник 1076 — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- История в энциклопедии — История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / Пер. и примеч. Н. В. Ревуновой; Общ. ред. А. Д. Люблинской. Л., 1978.
- Кабальные книги I—II — Новгородские записные кабальные книги. Ч. I—II. М.; Л., 1938.

- Кантемир (слов) I—II — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступит. ст. и публ. Е. Бабаевой. Т. 1—2. М., 2004.
- Кантемир I—II — Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / Вступит. ст. и примеч. В. Я. Стоюнина; Ред. П. А. Ефремова. Т. I—II. СПб., 1867—1968.
- Капнист I—II — В. В. Капнист. Собрание сочинений в двух томах. Т. I—II. М.; Л., 1960.
- Карамзин 1987 — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1987.
- Кизеветтер 1903 — А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
- Кизеветтер 1909 — А. А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.
- Ключков 1916 — М. В. Ключков. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916.
- Кокошкин 1790 — *И. А. Кокошкин*. Поход под шведа. Комедия в трех действиях с хорами и балетом. СПб., 1790.
- Комаров 1779 — Матвей Комаров. Обстоятельная и верная история двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумазбродною свадьбою, забавными разными его песнями, и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей. СПб., 1779.
- Крашенинников 1750 — Речь о пользе наук и художеств, читанная Степаном Крашенинниковым ... в публичном академическом собрании 6 дня 1750 г. — Торжество Академии Наук, празднованное сентябрь 6 дня 1750 г. СПб., 1750. С. 53—98.
- Крылов I—IV — И. А. Крылов. Полное собрание сочинений / Редакция, ст. и примеч. В. В. Каллаша. Т. I—IV. СПб., 1904—1905.
- Левшин 1796 — Труды Василия Левшина. Ч. 1. М., 1796.
- Лесков I—XII. — Н. С. Лесков. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1989.
- Лесаж I—II — Похождения Жильблаза де Сантилланы описаныя Г. Ле Сажем, а переведенные Василием Тепловым. Т. I—II. СПб., 1760.
- Ломоносов I—II — Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михаила Ломоносова. Книга I—II, второе издание с прибавлениями. М., 1757.
- Ломоносов 1986 — М. В. Ломоносов. Избранные произведения / Вступит. ст. А. А. Морозова, подгот. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986.
- Майданов, Рыбаков 1907 — Д. Т. Майданов, И. А. Рыбаков. Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Одесса, 1907.
- Матвеев 1972 — Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Публ. И. С. Шарковой; Под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.

Мемье 1795 — Ж. де Мемье. Граф Сент-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума. Ч. 1. 1795.

МЖ — Московский журнал / Изд. Н. М. Карамзин. М., 1791—1792.

МЗК I—XIV — Материалы Екатерининской законодательной комиссии. [1767—1769] Ч. 1 // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4; Ч. 2 // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8; Ч. 3 // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 14; Ч. 4 // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 32; Ч. 5 // Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36; Ч. 6 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 43; Ч. 7 // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 68; Ч. 8 // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 93; Ч. 9 // Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107; Ч. 10 // Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115; Ч. 11 // Сб. РИО. СПб., 1907. Т. 123; Ч. 12 // Сб. РИО. СПб., 1911. Т. 134; Ч. 13 // Сб. РИО. СПб., 1914. Т. 144; Ч. 14 // Сб. РИО. Пг., 1915. Т. 147.

Мизантроп 1788 — Мизантроп, или Нелюдим, комедия в пяти действиях. Соч. г. Мольера. (Перевод И. П. Елагина). М., 1788.

Миллер I—II — Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1—2. М.; Л., 1937—1941.

Милюков 1892 — П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

Милюков 1905 — П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.

Миронов I—II — Б. Н. Миронов. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века) Т. 1—2. СПб., 2003.

Монтескье 1999 — Шарль Луи Монтескье. О духе законов / Сост., пер. и comment. примечаний автора А. В. Матешук. М., 1999.

Московский журнал 1792. Ч. VIII — Московский журнал. Ч. VIII. М., 1792.

Муратори I—II — Рассуждение о благоденствии общенародном Лудвига Антония Муратория, книгохранителя Моденского Герцога. Преложено с французского перевода Михайлом Поповым. Ч. I—II. М., 1790.

Некрологи 1912 — Некрологи 1911—1912 // Ежегодник Императорских театров. 1912. Вып. 7. С. 99—124.

Никольский 1879 — К. Никольский. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине Православия. СПб., 1879.

Носов 1857 — И. Носов. Воспоминания старого актера. Дмитревский и Троепольская // Музыкальный и Театральный Вестник. 1857. № 12. С. 198—201.

Панкевич 1792 — Слово о подлинной цели Математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных, на высокоторжественный день восшествия на Престол Ея Величества, Все-пресветлейшая Великия Государыни, Императрицы и Самодержицы Екатерины II, говоренное в публичном собрании Императорского Московского Университета июня 30 дня, 1792 года профессором смешенной математики Михайлом Панкевичем. М., 1792.

- Панкевич 1800 — Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения, на всерадостный день тезоименитства Великого Государя Императора и Самодержца Всея России Павла Первого, в торжественном собрании Императрского Московского Университета июня 30 дня 1800 года говоренное коллежским асессором, философии и св. наук магистром и математики профессором Михайлом Панкевичем. Пантеон I—III — Пантеон иностранной словесности. Кн. I—III. М., 1798.
- Пекарский I—II — Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского. СПб., 1862.
- Пельский I—II — *П. А. Пельский*. Кум Матвей, или превратности человеческого ума. Ч. I—II. М., 1803.
- Поденьщина — Поденьщина. Сатирический журнал Василия Тузова. 1769. Издание А. Афанасьева. М., 1858.
- Политковский 1796 — Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством, говоренная... Федором Политковским. М., 1796.
- Поленов 1865 — *А. Я. Поленов*. О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. 1865, ч. 3.
- Попов I—II — Досуги или собрание сочинений и переводов Михailа Попова. Ч. 1—2. СПб., 1772.
- Посошков 1951 — *И. Т. Посошков*. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Редакция и comment. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
- Почта духов — Почта духов, ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами /Изд. И. А. Крылов. СПб., 1789—1790.
- Притчи Эсоповы 1700 — Притчи Эсоповы на латинском и русском языке... Амстердам, 1700.
- ПСЗРИ I. 1—45. — Полное собрание законов Российской Империи [Собрание 1-е]. Т. 1—45. СПб., 1830.
- Псковская летопись I — Псковские летописи. Вып. 1 / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941.
- Пустомеля — Пустомеля, ежемесячное сочинение. СПб., 1770. Месяц Июнь.
- Путешествие Толстого — Путешествие стольника П. А. Толстого (1697—1699) // РА. 1888. Кн. 1. С. 167—204; 321—368; 505—552; Кн. 2. С. 5—62; 113—156; 225—264; 369—400.
- Пушкин I—XVII — *А. С. Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 1—17. б/м, 1937—1949.
- Радищев I—II — *А. Н. Радищев*. Полное собрание сочинений / Под ред. Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого. Т. I—II. М.; Л., 1938—1941.
- Раскин 1996 — *Д. И. Раскин*. Исторические реалии русской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из

-
- истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 662—830.
- Реформы Петра I — Реформы Петра I. Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. М.: Гос.соц.-эк.изд-во, 1937.
- Ровинский I—V — Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.
- Роллен Римская I—XVI — Римская история от создания Рима до битвы Актийской то есть по окончание Республики, сочиненная Г. Ролленем, преждебывшим Ректором Парижского университета, Профессором Красноречия, и Членом Королевских Академии Надписей и Словесных Наук. А с Французского переведенная тщанием и трудами Василия Тредиаковского, Профессора и Члена Санктпетербургской Императорской Академии Наук. Т. 1—16. СПб., 1761—1767.
- Роллен Древняя I—X — Древняя история об египтянах, о карфагенянах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и греках. Сочиненная через Г. Роллена бывшаго ректора Парижского Университета, Профессора Элоквенции и прочая. А ныне с французского переведенная через Василия Тредиаковского, профессора элоквенции и Члена Санктпетербургской Императорской Академии Наук. Т. I—X. СПб., 1749—1762.
- Романович-Славатинский 1870 — Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870.
- Российское законодательство I—IX — Российское законодательство X—XX вв. Т. 1—9. М., 1986—1994.
- Селищев 2003 — А. М. Селищев. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917—1926). М., 2003.
- Сказание Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и comment. О. А. Державиной, Е. В. Колесовой; Под ред. А. В. Черепнина. М.; Л., 1955.
- Скоробогатов 2004 — А. В. Скоробогатов. Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004.
- Скоробогатов 2005 — А. В. Скоробогатов. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2005.
- СЛРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—27. М., 1975—2006 (издание продолжается).
- СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Т. 1—15. М., 1984—2005.
- Служебник 2004 — Служебник. М.; «Издательский совет РПЦ», 2004.
- Смирнов 1910 — Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сборник ОРЯС. Т. 88. № 2. М., 1910.
- Соболева 1981 — Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.
- Соболева, Артамонов 1993 — Н. А. Соболева, В. А. Артамонов. Символы России. М., 1993.

- Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-е годы XIX века. М., 1965.
- Спафарий 1978 — Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступит. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978.
- Срезневский I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. М., 1958.
- ССЯ I—IV — Словарь старославянского языка Т. 1—4. СПб., 2006 [Репринт. Slovník Jazyka Staroslověnského. Vol. I—IV. Praha, 1966—1997]
- Страхов 1791 — *{Страхов Н. И.}* Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков, старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч. или Иносказательные для них наставления, писанные Сочинителем Сатирического Вестника. Ч. I—III. М., 1791.
- Субботин II — Н. И. Субботин. Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. II. Акты, относящиеся к собору 1666—1667 г. М., 1874.
- Судебники 1952 — Судебники XV—XVII вв. / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.
- Сумароков 1957 — А. П. Сумароков. Избранные произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957.
- СЯС I—IV — Словарь старославянского языка. Т. 1—4. СПб., 2006. [Репринтное воспроизведение издания Slovník Jazyka Staroslověnského. I—IV. Praha 1966—1997.]
- Тихон Задонский 1875 — Тихон Задонский. Творения. Т. 1. М., 1875.
- Томсинов 2003 — Владимир Томсинов. Аракчеев. М., 2003.
- Тредиаковский 1751 — Аргенпид. Повесть героическая соч. Иоанном Барклием, а с лат. на славяноросс. перев. ... от Василия Тредиаковского. СПб., 1751. Т. 1—2.
- Тредиаковский 1963 — В. К. Тредиаковский. Избранные произведения / Вступит. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева. М.; Л., 1963.
- Тредиаковский I—II — Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе ироической пиймы Василием Тредиаковским. Ч. 1—2. СПб., 1766.
- Трутень 1769—1770 — Трутень, еженедельное издание / Изд. Н. И. Новиков. СПб., 1769—1770.
- Успенский 1998 — Б. А. Успенский. Царь и Патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Устав о войсках — Устав о войсках морских и их арсеналах Людовика XIV. СПб., 1715.
- Фасмер I—IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Февр 1991 — Л. Февр. Бои за историю. М., 1991.

- Феофан Прокопович 1718 — *Феофан Прокопович*. Слово о власти и чести царской. СПб., 1718.
- Феофан Прокопович I—IV — Феофана Прокоповича, архиепископа Великого Новаграда и великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода президента, а потом первенствующаго члена Слова и речи, поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные. Ч. I—III. СПб., 1760—1765; Ч. IV. Богословские сочинения. СПб., 1774.
- Феофан Прокопович 1744 — *⟨Феофан Прокопович⟩*. Первое учение отроком. В нем же буквы и слоги. Также Краткое толкование десятисловия, Молитвы Господней, Символа веры и девяти блаженствах. М., 1744.
- Фонвизин I—II — *Д. И. Фонвизин*. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.
- Франко-русский словарь 1786 — Dictionnaire complet François et Russe. СПб., 1786.
- Хемницер 1886 — Полное собрание басен и сказок И. И. Хемницера. СПб., 1886.
- Хемницер 1963 — *И. И. Хемницер*. Полное собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой, В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963.
- Чечулин 1889 — *Н. Чечулин*. Провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1899.
- Чечулин 1907 — Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под ред. Н. Д. Чечулина // Памятники русского законодательства 1649—1832 гг., издаваемые Императорской Академией Наук. II. СПб., 1907.
- Щербатов-Радищев 1985 — Сочинение М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (подлинный авторский текст) // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1985. Приложение. Отдельная пагинация.
- Эмин 1788 — Роза. Полусправедливая оригинальная повесть. Соч. Николая Эмина. Ч. 1—2. СПб., 1788.